

**Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»**

На правах рукописи

Воробьев Никита Сергеевич

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ**

5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,

профессор, заслуженный юрист

Российской Федерации

Ковлер Анатолий Иванович

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Категория интеллектуальной собственности в международном праве.....	15
1.1. Общие положения об интеллектуальной собственности в международном праве	15
1.2. Международные судебные учреждения: о правовой сущности интеллектуальной собственности.....	44
Глава 2. Правовые позиции международных судебных органов по защите интеллектуальной собственности.....	67
2.1. Особенности защиты интеллектуальной собственности в правовых позициях международных судебных учреждений	67
2.2. Исполнение постановлений международных судебных учреждений в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.....	84
Глава 3. Проблемы совершенствования международного права интеллектуальной собственности в свете правовых позиций международных судебных учреждений	102
3.1. Необходимость кодификации международного права интеллектуальной собственности с учетом правовых позиций международных судов	102
3.2. Перспективы прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности.....	114
Заключение.....	124
Список использованных источников и научной литературы.....	128

Введение

Актуальность темы исследования. Интеллектуальная собственность в жизни современного общества приобретает все большее значение. Практически все, что окружает в наши дни человека и чем он пользуется, является продуктом интеллектуальной деятельности и изобретений, охватываемых сферой права интеллектуальной собственности. К сожалению, в современной науке проблемам международно-правового регулирования интеллектуальной собственности уделяется недостаточное внимание.

В течении долгого периода времени государства предпринимают действия, направленные на осуществление охраны прав граждан и организаций на интеллектуальную собственность, не только в рамках собственной территории, но и на территории иных государств и стремительного развития технологического прогресса, сообща вырабатывают и совершенствуют соответствующие международно-правовые механизмы защиты этого права.

Существенную роль в обозначенной системе в настоящее время занимают международные судебные учреждения, которые являются важными звеньями контрольного механизма соблюдения тех прав, которые гарантированы государствам, юридическим и физическим лицам в соответствии с международными договорами.

Осуществление международной судебной защиты прав интеллектуальной собственности является относительно новым институтом и насчитывает всего несколько десятилетий своего развития. Однако вследствие бурного темпа появления новых отношений в сфере международного права интеллектуальной собственности, подлежащих защите, не являлись предметом пристального рассмотрения аспекты, связанные с особенностями самой категории интеллектуальной собственности, исходя из трансформирующихся позиций различных международных судов, чья практика оказывает влияние на формируемые правовые нормы в данной

сфере. В связи с возрастающей ролью судебных учреждений в международно-правовой системе такие исследования являются особенно актуальными.

Характерными чертами правовых позиций международных судебных учреждений в сфере защиты прав интеллектуальной собственности являются различия в определении содержания интеллектуальной собственности (систематизации объектов интеллектуальных прав), механизмов их защиты, а также конкурирующая юрисдикция, вызванная отсутствием иерархичности одной международной правовой системы над другой, что предоставляет субъектам международного права возможность выбора международного суда при осуществлении своего права на защиту.

Как известно, международные суды осуществляют свою деятельность в соответствии с общепризнанными принципами международного права и международно-правовыми нормами, с которыми связана их деятельность (самостоятельный международный договор, его отдельные положения, акты международных организаций, совокупность международно-правовых норм и др.). Вместе с тем, в последнее время международные суды все чаще прибегают к расширительному («эволютивному») толкованию норм международных договоров, что, с одной стороны, позволяет адаптировать ранее применяемые нормы к стремительно развивающимся общественным отношениям, с другой, могут приводить к непредсказуемым и спорным решениям по рассматриваемым вопросам, что справедливо создает высокие риски для государств и иных субъектов международного публичного права, связанных такими решениями.

Применительно к вопросам международной защиты прав интеллектуальной собственности судебный активизм, проявляющийся в эволютивном толковании норм международными судебными учреждениями, может приводить к противоположным решениям по вопросам, связанным с международным правом интеллектуальной собственности, а также замедлять процессы развития соответствующей отрасли и гармонизации

внутригосударственных норм отдельных государств.

Общие вопросы допустимого предела судебного активизма наиболее остро проявляются при предположении о расширении в позициях международных судов субъектного и объектного состава интеллектуальной собственности, что, с одной стороны, может являться причиной для последующего изменения государствами своего законодательства, с другой, свидетельствует о динамичном характере развития механизмов защиты прав интеллектуальной собственности международными судами. В то же время, в отдельных случаях прослеживается ограниченная компетенция некоторых международных судебных учреждений по рассматриваемым вопросам, что также создает риски неэффективности правового регулирования. Исследование указанных тенденций в международном правосудии объективно обусловило его актуальность.

Актуальность исследования также продиктована необходимостью поиска универсальных международно-правовых механизмов регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности в различных ситуациях, при которых должен быть очерчен баланс интересов заинтересованных сторон: обеспечение эффективной международно-правовой защиты интеллектуальных прав и отсутствие нарушения суверенитета заинтересованных государств.

При подготовке исследования основной акцент для выполнения поставленной цели был сделан на деятельности Суда Евразийского экономического союза, Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации, Суда Европейского союза, Европейского суда по правам человека и их решениях. Анализировались преимущественно их акты последних лет.

Степень разработанности темы исследования. В фундаментальных трудах отечественных и зарубежных правоведов, а также в периодических изданиях и сборниках рассматриваются вопросы международно-правовой

защиты интеллектуальной собственности.

Исследования в области отдельных аспектов международно-правовой защиты и охраны интеллектуальной собственности проводились как с позиции международного права, так и с позиции внутригосударственного (гражданского, конституционного) права (П.Д. Барановский, А.И. Близнец, М.Б. Ковалев, П.А. Мартынов, В.С. Савина, С.А. Сеницын и другие).

Общие вопросы регулирования международного права интеллектуальной собственности, а также составляющие его основу совокупности прав, рассматриваются в работах А.М. Минкова, В.А. Жданова, В.Л. Энтина, М.А. Федотова и других.

Международно-правовой аспект защиты интеллектуальной собственности представлен в работах А.И. Абдуллина, Д.В. Дворникова, А.В. Лелётиной, К.В. Энтина и других. Объектом указанных исследований чаще всего являются отношения в области международного права интеллектуальной собственности, складывающиеся в рамках определенных интеграционных объединений.

В работах Н.Н. Гончаровой, Б.Л. Зимненко, А.С. Исполинова, А.Я. Капустина, А.И. Ковлера, Д.В. Красикова, В.Н. Мулюна, Т.Н. Нешатаевой, К.Л. Чайки, М.Л. Энтина и других рассматривались актуальные проблемы осуществления международного правосудия, а также вклад международных судебных учреждений в обеспечение международной стабильности и сотрудничества.

Отдельные аспекты международно-правовой защиты интеллектуальной собственности стали объектом анализа в трудах зарубежных исследователей, в число которых входят: С. Андерман, М. Блейкни, Г. Гуддини, П. Драхос, Т. Котье, К. Шухардт и другие.

Вместе с тем, в исследованиях упомянутых авторов аспекты международно-правового регулирования интеллектуальной собственности освещались среди прочих вопросов, при этом не были исследованы

непосредственно вопросы международно-правовой защиты интеллектуальной собственности в контексте принимаемых международными судебными учреждениями решений.

Объектом диссертационного исследования являются регулируемые международным публичным правом отношения, связанные с международно-правовой защитой интеллектуальной собственности международными судебными учреждениями.

Предметом настоящего исследования являются нормы международного права, регулирующие отношения по защите прав на интеллектуальную собственность, международная судебная практика, а также правовая доктрина в сфере международного права интеллектуальной собственности, на основе которых выявлены тенденции развития практики международных судебных учреждений.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретической модели международно-правовой защиты интеллектуальной собственности на основе правовых позиций международных судебных учреждений.

Для достижения указанных целей в ходе исследования возникла необходимость постановки и решения нижеуказанных задач:

1. Определить сущность интеллектуальной собственности в международном публичном праве;
2. Сформулировать авторское понятие интеллектуальной собственности в международном публичном праве;
3. Исследовать практику международных судебных учреждений в сфере международного права интеллектуальной собственности;
4. Охарактеризовать существующие особенности защиты нарушенных интеллектуальных прав международными судебными учреждениями;
5. Выявить тенденции развития правоприменительной практики в сфере защиты прав интеллектуальной собственности;

6. Представить авторское видение перспектив развития отдельных международно-правовых механизмов защиты прав на интеллектуальную собственность международными судебными учреждениями.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (анализ, индукция, дедукция, сравнение, исторический, системный и др.), а также частнонаучных (формально-юридический, правовое прогнозирование, сравнительно-правовой и др.) методов, ориентированных на достижение поставленных в исследовании целей и задач.

Использование *диалектико-материалистического метода* позволило выявить общие закономерности и имеющиеся противоречия в развитии международно-правового регулирования интеллектуальной собственности.

Исследование вопросов международно-правовой защиты интеллектуальной собственности, анализ категорий, дефиниций и юридических конструкций в обозначенной сфере, а также особенных черт, присущих международно-правовым механизмам защиты интеллектуальной собственности основывались на применении *системного и сравнительно-правового метода*, и *метода дедукции*.

Применение *структурно-функционального метода* позволило выявить функциональные взаимосвязи в деятельности международных судебных учреждений.

С учетом изучения международно-правовых позиций международных судов автором также использовались такие специальные методы познания как *системный анализ* и *метод прогнозирования* при формировании унифицированных характеристик для всех типов международных договоров в отношении категории «интеллектуальная собственность».

Исследование широкого круга вопросов, составляющих объект настоящего исследования, осуществлялось с использованием *методов формальной логики* (описание, анализ, сравнение и др.), что позволило сформулировать авторское определение интеллектуальной собственности в

международном праве.

При исследовании общих вопросов международно-правового регулирования отрасли международного права интеллектуальной собственности использовался и *формально-юридический метод*.

Выбор методов обуславливается потребностью в осуществлении проведения комплексного исследования темы диссертационной работы, обеспечения ее непротиворечивости, достоверности и целостности.

Теоретическую основу исследования составляют положения, отраженные в трудах П.Н. Бирюкова, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Камаровского, А.Я. Капустина, Л. Оппенгейма, Г.И. Тункина и других по проблематике общей теории международного права.

Важнейшую часть диссертационного исследования автора составили также труды по международному экономическому праву, международному торговому праву, праву ВТО (Ю.В. Алфеева, Д.В. Афанасьев, И.А. Близнец, Т.А. Васильева, В.А. Дозорцев, М.В. Кривенкова, М.В. Кучин, Ларина Т.Ю., А.В. Лелётина, М.Г. Мехтиев, А.М. Минков, М.А. Рожкова, С.А. Синицын, А.С. Смбатян, А.К. Соболева, О.Н. Толочко, В.Л. Толстых, Г.Г. Шинкарецкая, И.А. Шулятьев, В.М. Шумилов и другие).

В рамках диссертационного исследования также были использованы научные труды зарубежных ученых (Р. Бхала, Р.Х. Макадамса, М. О'Бойла, Х. Ульриха, К. Уорбика, Д. Фридмана, Д. Харриса и другие).

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую основу научной работы составили акты международных судебных учреждений, материалы докладов международных организаций, а также официальные статистические данные.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в теоретическом обосновании модели международно-правового регулирования интеллектуальной собственности в контексте решений международных судов с целью выявления перспектив развития практики международных судебных

учреждений в рассматриваемой сфере и формировании предложений по ее совершенствованию.

Научная новизна диссертационного исследования, свидетельствующая о личном вкладе автора в науку, состоит также в сформулированных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Предложена новая система признаков для правовой идентификации и индивидуализации отрасли международного права интеллектуальной собственности, что призвано обеспечить унифицированное регулирование для указанной предметно-целостной группы отношений не только для целей товарооборота, но и обеспечения баланса частных и публичных интересов при использовании и коммерциализации технологий и инноваций.

Диссертантом обосновывается выделение следующих значимых признаков интеллектуальной собственности в международном публичном праве: нематериальный и абсолютный характер прав на объекты интеллектуальной собственности; направленность на экономическую эффективность использования объектов интеллектуальной собственности для обеспечения прав человека, гарантирование их доступности для целей повышения качества и продолжительности жизни человека (сфера здравоохранения, торговли, услуг). Таким образом, международное публичное право призвано сформировать систему регулирования интеллектуальной собственности, исключив ее понимание как исключительно частной монополии.

2. Выявлены и обоснованы критерии, отражающие современное состояние отрасли международного права интеллектуальной собственности: последовательное расширение перечня международных договоров с иерархичной системой элементов интеллектуальной собственности; повышение активности международных судов в установлении содержания отдельных категорий прав и их защиты; направленность международно-правовой защиты на обеспечение охраны имущественных и личных

неимущественных прав. Данные критерии позволили сформулировать авторское определение «интеллектуальной собственности в международном праве» – совокупность правовых режимов, каждый из которых включает группу имущественных субъективных прав физических или юридических лиц на нематериальные объекты, а также связанных с ними личных неимущественных прав, относящихся к интеллектуальной и творческой деятельности человека в производственной, научной, литературной и художественной областях, определяемые и охраняемые в силу международного договора или решения международного суда.

3. Установлено, что в отличие от национальной системы защиты прав интеллектуальной собственности, направленной на развитие внутренней экономики и справедливой конкуренции в рамках юрисдикции конкретного государства, целью международно-правовой защиты интеллектуальной собственности является не только создание благоприятных условий для осуществления творческой деятельности и промышленного развития во всем мире, но и обеспечение процессов либерализации и расширения торговли, связанных с интеллектуальной собственностью. При этом торгово-экономическая направленность международного права интеллектуальной собственности отражается в практике международных судебных учреждений.

4. Выявлена и обоснована исключительная роль международных судебных учреждений, обладающих компетенцией по расширительному толкованию международных договоров. Эта роль характеризуется не только в осуществлении контрольных функций по соблюдению норм, закрепленных в международных договорах в сфере международного права интеллектуальной собственности, но и в осуществлении функций по вынесению постановлений, которые в дальнейшем могут стать стимулом для формирования правоприменительной практики, кодификации и прогрессивного развития позитивного международного права интеллектуальной собственности.

5. Обосновано, что международные судебные учреждения в своих позициях и решениях не прибегают к определению интеллектуальной собственности как таковой, а рассматривают отдельные аспекты в рамках составляющих ее структуру правовых режимов: авторского права, смежных прав, прав промышленной собственности, средств индивидуализации, прав на селекционные достижения и др. Вместе с тем, нельзя недооценивать роль таких решений в формировании новых положений международного права интеллектуальной собственности взамен утративших свою актуальность.

6. Проведенный автором анализ практики международных судов по защите интеллектуальной собственности, рассматриваемой как применяемый ими комплекс мер, направленный на предотвращение нарушения интеллектуальных прав государствами и международными организациями, приводит его к выводу о том, что правовые позиции этих судов способствуют развитию доктринальных представлений об объеме и содержании принципов международного права интеллектуальной собственности.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой обладающих определенной новизной научных положений и выводов, включающих: систематизацию видов объектов интеллектуальной собственности, которые защищаются международными нормами; анализ содержания защиты прав на интеллектуальную собственность международными судебными учреждениями; исследование практических форм реализации межгосударственного правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности исходя из позиций международных судов; прогноз развития правового регулирования защиты международного права интеллектуальной собственности.

Выводы, предложения и обобщения, а также систематизированная информация, представленная по итогам диссертационного исследования, могут быть использованы при осуществлении оценки действующих, а также

для целей изменения и разработки новых международных правовых актов в области международного права интеллектуальной собственности, при подготовке проектов федеральных законов и других нормативных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности, при осуществлении образовательного процесса в высших учебных заведениях, при подготовке научно-исследовательских работ и учебных пособий по тематике международно-правовой защиты интеллектуальной собственности международными судебными учреждениями. Диссертационное исследование также может быть использовано при повышении квалификации государственных и общественных сотрудников, занимающихся в своей деятельности рассматриваемой проблемой, экспертов, деятельность которых связана с разработкой принципов и норм в области международного права интеллектуальной собственности, а также представлять интерес для всех лиц, интересующихся проблемами международного права интеллектуальной собственности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена на совместном заседании Кафедры международного права и Центра международного права и сравнительно-правовых исследований ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» и рекомендована к защите.

Теоретические выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, а также иные положения и рекомендации отражены в докладах автора на международных научно-практических мероприятиях: XV Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Конституция и модернизация законодательства» (Москва, ИЗиСП, 2020 г.); XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С.Н. Братуся «Модернизация гражданского законодательства» (Москва, ИЗиСП, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Налоговое администрирование и

консультирование: цифровой формат» (Москва, НИУ ВШЭ, 2021 г.); XVII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право и технологии будущего» (Москва, ИЗИСП, 2022 г.); III Международная научно-практическая конференция «АВТОР/AUTHOR – 2023» (Москва, НИУ ВШЭ, 2023 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 опубликованных научных работах общим объемом 3 п.л., 3 из которых – в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1. Категория интеллектуальной собственности в международном праве

1.1. Общие положения об интеллектуальной собственности в международном праве

Современное международное публичное право охватывает различные сферы правового регулирования. Его содержание настолько многогранно, что выстраиваемая система норм, базирующаяся на общих принципах международного права, постоянно «надстраивается». Данная тенденция обусловлена непрерывной трансформацией межгосударственных отношений. Не являются исключением и межгосударственные отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и охраной результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, продукции, работ и услуг. В данном контексте международное право интеллектуальной собственности выступает своего рода «рамочным» и/или устанавливающим минимальные требования к национальному законодательству договаривающихся государств правом. В научной литературе в целях обозначения совокупности указанных выше отношений используются также категории «право интеллектуальной собственности в международном праве» и «международное интеллектуальное право»¹.

Развитие торгового оборота и существенная трансформация информационных технологий трансграничного характера вызвали необходимость для мирового сообщества сконструировать единые международные стандарты защиты интеллектуальной собственности, которые на сегодняшний день выражены в различных двусторонних и многосторонних международных договорах. Многообразие международных договоров в рассматриваемой сфере, а также коллизии, возникающие при их

¹ См.: Минков А.М. Актуальные международно-правовые аспекты деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 40.

сопоставлении, обуславливают необходимость их более тщательного рассмотрения. Учитывая одну из первостепенных задач заключения соответствующих договоров – обеспечение эффективной охраны международного права интеллектуальной собственности единообразными способами государствами-участниками, автором предлагается в дальнейшем для целей систематизации настоящего исследования разделять вышеназванные договоры на соглашения:

- 1) направленные на регулирование непосредственно сферы международного права интеллектуальной собственности (глобальные);
- 2) по различным вопросам (правовым, политическим, экономическим, гуманитарным, социальным и др.), вместе с тем, включая вопросы регулирования отношений в рамках международного права интеллектуальной собственности (фрагментарные)².

Первую группу соглашений нельзя в полной мере назвать кодифицированной, несмотря на полувековую деятельность Всемирной организации интеллектуальной собственности по администрированию множества ключевых (по количественному охвату) международных договоров. Тем не менее, представленный широким массивом актов в сфере международной охраны промышленной собственности, промышленных и художественных произведений, прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, регистрации товарных знаков, промышленных образцов, классификации товаров и услуг для целей осуществления регистрации товарных знаков и знаков обслуживания, установления санкций за ложные и вводящие в заблуждение указания места происхождения товаров и многих других, данный тип соглашений образует нормативную основу права международной интеллектуальной собственности.

Во второй группе преобладают международные экономические

² См.: Воробьев Н.С. Право интеллектуальной собственности в сравнительном аспекте: к вопросу об уточнении понятия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 143-149.

соглашения, такие как Договоры в рамках права Евразийского экономического союза³ и Европейского союза⁴, Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнёрстве⁵, Генеральное соглашение по тарифам и торговле⁶ и многие другие. В названных международных договорах, а также международных договорах в иных сферах, содержащих положения, являющиеся составной частью международного права интеллектуальной собственности, прослеживается исключительно несистемный, фрагментарный характер норм права международной интеллектуальной собственности применительно к основной цели заключаемых международных договоров. Подобные соглашения, содержащие правовые нормы, касающиеся широкой группы отношений, во многом опираются на положения глобальных договоров первой группы, уточняя их объем и содержание, устанавливая дополнительные ограничения и изъятия.

Обе группы указанных международных актов при этом могут вовсе не содержать упоминаний термина «интеллектуальная собственность», ограничиваясь регулированием принципов, на которых базируются соответствующие правоотношения, связанные с ней, ее элементов и связанных правоотношений. При этом в части заключаемых международных договоров по-прежнему заметны тенденции к детализации элементов международного права интеллектуальной собственности в отсутствие концепции общего представления об интеллектуальной собственности в международном праве (к разделению на более мелкие структурные единицы, такие как права на исполнение фонограмм, авторские права и проч., а также к образованию более широкого предметного охвата). Несомненно, с одной стороны, такое

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

⁴ Договор о функционировании Европейского Союза [рус., англ.] (Вместе со «Списком, предусмотренным в статье 38...», «Заморскими странами и территориями, к которым применяются положения части четвертой Договора...») (Подписан в г. Риме 25.03.1957) (с изм. и доп. от 13.12.2007) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения 01.07.2021).

⁵ Соглашение о создании зоны свободной торговли со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также Австралией, Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Новой Зеландией.

⁶ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ/GATT) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524-2538.

направление развития оправдывает необходимость своевременной разработки эффективной международной системы интеллектуальной собственности, способствующей инновационному творческому и техническому развитию. С другой стороны, создает риски рассогласованности относительно содержания интеллектуальной собственности как таковой и замедления глобальной гармонизации законодательств национальных государств в рассматриваемой сфере.

Совокупность существующих норм, охватывающих регулирование вопросов, относящихся к категории «международное право интеллектуальной собственности», относится различными учеными к самостоятельной отрасли международного публичного, международного частного права или вовсе рассматривается как комплексная отрасль. Отдельного уточнения заслуживает мнение относимости международного права интеллектуальной собственности к институтам международного экономического права.

На протяжении долгого времени международное право интеллектуальной собственности не получало должного внимания со стороны научной общественности. Тем самым образовался своеобразный подход, где отношения, складывающиеся в праве интеллектуальной собственности, могли бы быть включены в международные экономические отношения наряду с иными международно-правовыми институтами, традиционно включаемыми в состав других отраслей международного права⁷. Вместе с тем экономический интерес в праве интеллектуальной собственности не является единственной причиной установления соответствующего регулирования, что в определенной мере обуславливало бы создание конгломеративного характера международного экономического права или любой другой отрасли международного права⁸.

Касательно международного частного права следует сделать ремарку,

⁷ См.: Шумилов В.М. Международное экономическое право. Книга I. М.: ДеКА, 2002. С. 42.

⁸ См.: Толочко О.Н. Международное экономическое право и его место в системе правового регулирования международных экономических отношений // Московский журнал международного права. 2013. №1 (89). С. 73-91.

что речь идет, прежде всего, не только о ряде международных договоров, но и о внутригосударственном регулировании. Несмотря на некоторые случаи создания специальных арбитражей, таких как, например, Центр по арбитражу и посредничеству при Всемирной организации по интеллектуальной собственности, а также региональной гармонизации объектов интеллектуальной собственности в рамках Европейского Союза данные тенденции к применению внутригосударственного регулирования пока нельзя интерпретировать как устоявшуюся международную практику⁹. Отдельные положения международных договоров в рамках международного права интеллектуальной собственности, в частности, касающихся изъятий и ограничений отдельных исключительных прав, конвенционного приоритета, при этом могут быть охарактеризованы как нормы международного частного права.

А.М. Минков, обосновывая в своей диссертации существование отрасли международного интеллектуального права на основе таких факторов как наличие особого предмета регулирования, автономности и своеобразия таких норм, а также их большого объема и заинтересованности мирового сообщества в развитии отрасли, делает вывод не только о сформированности данной отрасли «международного права, но и сочетании в себе элементов международного частного и международного публичного права»¹⁰. Схожего мнения придерживается А.В. Лелётина, предложив в развитие позиции о комплексности смежной отрасли международно-правовой охраны интеллектуальной собственности, следующие регулирующие принципы: «территориальный принцип действия прав, принцип баланса частных и публичных интересов, принцип исключительности личных неимущественных прав, принцип срочности охраны, принцип минимального объема охраны, принцип предоставления одинаковой охраны национальным и иностранным

⁹ См.: Grosse Ruse-Khan, Henning, «Intellectual Property and International Law: A Research Framework» // Oxford University Press. 2016. С. 15-33.

¹⁰ См.: Минков А.М. Актуальные международно-правовые аспекты деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 40.

лицам»¹¹.

Грэм Дэнвуди (Graeme B Dinwoodie) отмечает не только сформированность отрасли международного права интеллектуальной собственности, включающей нормы международного публичного и частного права, но и ее существенное преобразование, проявляющееся в переориентации к принятию в большей мере норм мягкого права.

Различные международные договоры в сфере регулирования вопросов интеллектуальной собственности отличаются по охвату правового регулирования, содержанию норм и составу. Так, известное внутригосударственному правопорядку деление интеллектуальной собственности на соответствующие объекты находит свое отражение и в международных договорах. Отдельные исключения относятся к международным договорам, содержащим правила по гармонизации внутригосударственных законодательных актов государств-членов.

В действительности, существующие международные договоры, содержащие нормы международного интеллектуального права, выражают, с одной стороны, согласованную волю договаривающихся государств, а с другой стороны, могут служить правовым источником для субъектов международного частного права (например, положения о приоритете, национальном режиме и иные, могут применяться частными субъектами непосредственно). Отсутствие единой позиции в контексте относимости норм международного интеллектуального права к международному публичному или частному правопорядку является не столько частным, сколько общим вопросом международного права. В данном аспекте пересечение норм международного публичного и международного частного права рассматривалось Ю.В. Алфеевой¹².

¹¹ См.: Лелетина А.В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в рамках всемирной торговой организации и обязательства Российской Федерации в связи с участием в Евразийском экономическом союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 30 с.

¹² См.: Алфеева Ю.В. Урегулирование международных экономических споров в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. С. 8.

Через практику международного правосудия обосновывает взаимопроникновение международного публичного и частного права Г.Г. Шинкарецкая, отмечая возможность «заимствования» норм частного права для регулирования отношений между государствами¹³.

По утверждению П.С. Морриса, границы между международным публичным и международным частным правом постепенно стираются. Автор отмечает, что несмотря на то, что злоупотребление одним правовым режимом над другим недопустимо, возникают ситуации эволюции системы частных прав, что приводит к их экстерриториальному характеру¹⁴.

Обоснование позиции в пользу признания права интеллектуальной собственности в качестве самостоятельности отрасли международного публичного права можно проследить в трудах зарубежных исследователей, где подход к международно-правовому регулированию интеллектуальной собственности основывается в первую очередь на институтах и инструментах (в частности международных нормах), созданных государствами для осуществления защиты прав на интеллектуальную собственность с учетом ее трансграничного характера. Сами регулируемые права при этом могут быть признаны как частные в соответствии с внутренним законодательством, оставаясь де-факто международной нормой международного публичного права. В этой связи договоры в сфере международного права интеллектуальной собственности представляют собой так называемые рамки стандартов, которые государства-члены обязаны в соответствии с международным публичным правом внедрять в свое внутреннее законодательство. В этой связи отмечается значительная степень зависимости системы охраны интеллектуальной собственности и правоприменения от внутреннего частного права в тех случаях, когда международные договоры не имеют прямого действия.

¹³ См.: Шинкарецкая Г.Г. «Международное публичное и всемирное частное право в международных судах» // Международное право и торговая организация. 2019. №. 4. С. 78-88.

¹⁴ См.: Morris P.S. From territorial to universal - the extraterritoriality of trademark law and the privatizing of international law // Cardozo arts & entertainment law journal. New York, 2019. Vol. 37, Issue 1. P. 34-36.

Глобализация привела к размыванию границ между международным публичным и международным частным правом. В данном контексте интересен сопоставимый подход в части определения места международного семейного права, классически рассматриваемого в качестве национального права с учетом положений регулируемых международным правом. Оно стало самостоятельной отраслью международного права, и его цель – регулирование вопросов, которые не могут быть разрешены в пределах одной юрисдикции¹⁵. В данной связи по аналогии можно говорить о «реформации» отрасли международного права интеллектуальной собственности, признавая самостоятельность как в международном публичном, так и частном праве.

Исходя из вышеприведенных примеров, можно сделать вывод о том, что в действительности существует «взаимопроникновение» (сосуществование) двух различных по своей природе систем права. По одному из мнений, право интеллектуальной собственности с позиции международного частного права по своей сути является элементом национального законодательства и реализуется в рамках юрисдикции соответствующего государства. Вместе с тем, в эпоху глобализации международное публичное право, как система согласованных волей государств, создает «надстройку» для реализации отдельных положений международного частного права, для использования соответствующих норм частными хозяйствующими субъектами в рамках гражданских правоотношений. В свою очередь право интеллектуальной собственности с позиции отрасли международного публичного права, основанное на самостоятельных принципах, остается самостоятельной системой, характеризующейся отсутствием «сильного субъекта», устанавливающего и санкционирующего соответствующие нормы публично-властного характера.

Международное право интеллектуальной собственности как отрасль характеризуется наличием общности соответствующих норм,

¹⁵ См.: Stark B. When globalization hits home: international family law comes of age // Vanderbilt journal of transnational law. Nashville, 2006. Vol. 39: 1551. P. 1593.

взаимосвязанных между собой, создающих особый предмет регулирования – межгосударственные отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и охраной результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, продукции, работ и услуг. Уясняя место международного интеллектуального права в сложившейся правовой системе следует более точно остановиться на терминологии, раскрывающей сущность интеллектуального права как такового. Помимо упомянутой правовой реализации данного термина в комплексной связи международного публичного и частного права, особенно важно раскрытие сущности данной категории в отношении международного публичного права, выделения существенных принципов и анализа особенностей для целей публичного правопорядка.

Как упоминалось ранее, множество международных договоров могут не содержать термина «интеллектуальная собственность». Какие критерии в таком случае могут быть поставлены в качестве определяющих относимость тех или иных норм к интеллектуальной собственности? В первую очередь, известное в правопорядках отдельных стран подразделение интеллектуальной собственности на конкретные объекты находит отражение и в международных договорах. Отдельные исключения затрагивают правила по гармонизации внутригосударственных законодательных актов государств-членов, правила сотрудничества государств-членов в различных областях и другие административные процедуры¹⁶. С другой стороны, определяемая норма права должна охватываться предметом международного права интеллектуальной собственности. В действительности применение категорий «интеллектуальное право», «интеллектуальные права», «интеллектуальная собственность» в международном правопорядке не может быть однозначной также по причине отсутствия согласованности в отношении данной терминологии на уровне

¹⁶ См.: Воробьев Н.С. Право интеллектуальной собственности в сравнительном аспекте: к вопросу об уточнении понятия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 143-149.

национальных систем отдельных государств. В свою очередь, базовым элементом для построения международного права интеллектуальной собственности служит национальное законодательство, которое представляет собой палитру многообразных по характеру и содержанию норм, проектируемых с опорой на соответствующие культурные и правовые обычаи. Диалог между государствами с различными правовыми системами может служить определенным импульсом для их сближения.

Близнец И.И. определяет интеллектуальную собственность как совокупность общественных отношений, возникающих на основе результатов интеллектуально-духовной, творческой деятельности индивида, или группы лиц. Это отношения материально-экономического, финансового, социального и морально-этического характера. Они отражают сочетание частного (личного) интереса с общественным, национально-культурным, наконец, с государственным интересом¹⁷. При этом автор подчеркивает, что правовая регламентация таких отношений не может быть предметом исключительно внутригосударственного права (гражданского права).

В качестве еще одного примера можно привести мнение В.А. Дозорцева: употребление термина «интеллектуальная собственность» сводится к отношениям собственности, что во многом объясняется неправильным переводом соответствующего английского термина. Английский термин «property» означает скорее имущество, чем собственность, для которой существует другой однозначный термин – «ownership». Во всяком случае слова «имущественные отношения» переводятся на английский язык не иначе как «property relation». По английскому праву «property» - достаточно широкое понятие, в него входят обязательственные отношения и права на интеллектуальный продукт, различаются «tangible» и «intangible property» (вещественное и невещественное имущество)¹⁸.

¹⁷ См.: Близнец И.А. Конституционно-правовая и международно-правовая защита интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 148 с.

¹⁸ См.: Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. ст. М., 2003. С. 72.

Отметим также, что применительно к тексту Европейской конвенции по правам человека «собственность» или «имущество» (possessions) характеризуется как обширный перечень защищаемых интересов, основанный на экономической ценности индивидуального права, что во многом демонстрирует более широкое значение в части определения интеллектуальной собственности.

Р. Сингх относит к интеллектуальной собственности любое оригинальное творение человеческого интеллекта, такое как художественное, литературное, техническое или научное творчество¹⁹.

В развитие предложенной позиции Саха С. и Бхаттачарья С., разделяя при этом интеллектуальную собственность с правами на интеллектуальную собственность, относят к последним идеи, изобретения и творческие выражения, на основе которых существует готовность общества присвоить статус собственности. Такие права передаются автору, создателю, изобретателю для защиты своего творения (изобретения) в течение определенного времени²⁰. При этом с учетом широкого подхода к трактовке прав, составляющих право интеллектуальной собственности, отсутствует ясность в основаниях исключения автором личных неимущественных прав.

Текстуальное (в международно-правовом договоре) закрепление термина «интеллектуальная собственность» находит в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Исходя из статьи 2, приведенной конвенции, она характеризуется как права. В конвенции приводится незакрытый перечень элементов, к которым такие права относятся. Среди них выделены:

- литературные, художественные и научные произведения;

¹⁹ См.: Singh D. R. Law relating to intellectual property: a complete comprehensive material on intellectual property covering acts, rules, conventions, treaties, agreements, digest of cases and much more. – Universal Law Publishing Company, 2008. 3493 p.

²⁰ См.: Saha C.N. Bhattacharya S. Intellectual property rights: An overview and implications in pharmaceutical industry. J Adv Pharm Technol Res. 2011 Apr; 2(2). P. 88-93.

- исполнительская деятельность артистов, звукозаписи, радио и телевизионные передачи;
- изобретения и промышленные образцы;
- научные открытия;
- товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения.

В данной статье установлено положение о возможности охвата интеллектуальной статьей иных прав, относящихся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Вместе с тем к числу элементов интеллектуальной собственности в соответствии со статьей относится также защита против недобросовестной конкуренции, что во многом объясняется режимом охраны промышленной собственности, который в числе объектов охраны в том числе определяет пресечение недобросовестной конкуренции. К вопросу о включении недобросовестной конкуренции в перечень объектов интеллектуальной собственности обращается в своей работе Г. Боденхаузен²¹.

Необходимо подчеркнуть, что термин «intellectual property» в соответствии с Всемирной декларацией ВОИС призван обозначать любое имущество (any property), признанное с общего согласия интеллектуальной собственности и заслуживающее соответствующей охраны. Также отметим, что применяемые термины «intellectual property» и «intellectual property rights», используемые в тексте международных договоров, администрируемых ВОИС, а также множества иных международных договоров, достаточно условны, поскольку в большинстве случаев, исходя из буквального толкования, они являются синонимичными.

Еще одним примером международного договора, содержащим понятие интеллектуальной собственности, является Соглашение по торговым аспектам

²¹ См.: Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / Пер. с фр. Н.Л. Тумановой; под ред. М.М. Богуславского. М.: Прогресс, 1977. С. 39.

прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС)²². Следует также отметить, что государства-члены обязуются соблюдать статьи 1-12 и статью 19 Парижской конвенции²³, а также связаны обязательствами по отношению друг к другу Бернской конвенцией²⁴, Римской конвенцией²⁵ и Договором об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем²⁶, что прямо предусматривается в ТРИПС. Тесная связь с ТРИПС с договорами, заключаемыми в рамках ВОИС создают ряд рисков «подвижного» механизма регулирования», например, при изменении условий правового регулирования в рамках ВОИС, что может приводить к автоматическому изменению согласованных условий в рамках ТРИПС. Более того, предметную сферу регулирования системы ТРИПС составляют «торговые аспекты», определение которых не конкретизируется и не является исчерпывающим. К аспектам данного вопроса обращалась в своем исследовании А.В. Лелётина, предложившая определять категорию «торговые аспекты прав интеллектуальной собственности» в рамках Всемирной торговой организации как вопросы охраны прав интеллектуальной собственности, прямо или косвенно связанные с международной торговлей и оказывающие влияние на осуществление торгово-экономических отношений²⁷.

В статье 1 указанного Соглашения в целях определения «интеллектуальной собственности» содержится внутренняя отсылка ко всем категориям интеллектуальной собственности, которые являются предметом

²² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

²³ Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // «Закон». 1999. № 7.

²⁴ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // «Бюллетень международных договоров». 2003. № 9.

²⁵ Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Заключена в г. Риме 26.10.1961) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7. С. 3-20.

²⁶ Вашингтонский договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем не вступил в силу, однако его положения используются императивно для целей соглашения ТРИПС.

²⁷ См.: Лелётина А.В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в рамках всемирной торговой организации и обязательства Российской Федерации в связи с участием в Евразийском экономическом союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 17-18.

разделов 1-7 части второй ТРИПС. В этой связи к интеллектуальной собственности относится закрытый перечень объектов, таких как:

1. Авторское право и смежные права.
2. Товарные знаки.
3. Географические указания.
4. Промышленные образы.
5. Патенты.
6. Топологии (топографии) интегральных микросхем.
7. Охрана закрытой информации.

Определенной особенностью ТРИПС являются также ограничения, касающиеся установления большего объема охраны, установленного минимальными требованиями ТРИПС в отношении отдельных категорий интеллектуальной собственности с учетом необходимости уменьшить искажения и препятствия на пути развития международной торговли, а также целей и принципов охраны и обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, закреплённых в статьях 7 и 8 ТРИПС.

Вместе с тем, подобно Стокгольмской конвенции, ТРИПС, связанный также с иными администрируемыми ВОИС договорами, такими как Бернская конвенция, не охватывает понятием «интеллектуальная собственность» личные неимущественные права, традиционно включенные в состав данной категории в законодательствах национальных государств.

Несмотря на общее и различное в раскрытии категории «интеллектуальная собственность» в названных соглашениях, следует учитывать ее определение лишь в рамках и для целей соответствующих соглашений, что прямо указывается в соответствующих статьях. Собираетельная характеристика интеллектуальной собственности в рамках названных соглашений применима лишь для исполнения конкретного международного договора, при этом отсутствуют какие-либо нормы, обязывающие государства-члены ссылаться на такую характеристику при

исполнении иных международных договоров или имплементировать ее сообразно внутригосударственному праву. Аналогичное мнение отмечал в своих исследованиях российский специалист по международному частному праву А.Л. Маковский²⁸.

Заслуживают внимания положения Всемирной декларации по интеллектуальной собственности, как акта мягкого права, закрепившего комплексное понятие «интеллектуальной собственности»: любая собственность, признаваемая по общему согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающей охраны, включая, но не ограничиваясь научными и техническими изобретениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями²⁹. Серьезным аспектом данной Декларации явилось закрепление «прав интеллектуальной собственности» в качестве прав, закрепленных в статье 27 Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 г.³⁰. Так, хоть Всеобщая декларация прав человека прямо не указывает на право интеллектуальной собственности, однако в статье 27.2 отмечается, что «Каждый человек имеет право на защиту моральных и материальных интересов, вытекающих из любого научного, литературного или художественного произведения, автором которого он является». В то же время статья 27.1 гласит, что каждый имеет «право свободно участвовать в культурной жизни общества, пользоваться искусством и участвовать в научном прогрессе и его благах». Статья 27 является своеобразной системой между нормами, защищающими создателей информации, и нормами, обеспечивающими использование и распространение информации.

²⁸ См.: Маковский Л.А. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут, 2010. С. 624.

²⁹ Всемирная декларация по интеллектуальной собственности» (Принята 26.06.2000) // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g> (дата обращения: 01.02.2020).

³⁰ Всеобщая декларация прав человека» (Принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

Таким образом, исходя из положений данной декларации, сложно оценить характер права интеллектуальной собственности: позитивный или негативный, устанавливающих обязательства или гарантирующих определенные права. В интересном обсуждении этих вопросов зарубежные исследователи приходят к выводу, что большинство прав собственности не могут быть включены в категорию основных прав человека. Их аргумент предполагает, что права человека и права собственности можно разделить на категории. Они полагают, что основные права человека – это «права человека, имеющие такое значение, что их международная защита включает в себя право, а возможно, и обязательство, на международное правоприменение», что предполагает, что большинство прав собственности не вписываются в эту категорию. Единственными возможными исключениями из этого являются те права личной собственности, основанные на потребностях, без которых осуществление других прав, таких как право на жизнь, было бы бессмысленным. Применительно к международному праву интеллектуальной собственности может оказаться, что немногие из них попадают в категорию прав человека. Даже если признать, что существует право личности, относящееся к категории прав человека, из этого, однако, не следует, что все права интеллектуальной собственности защищают личные интересы создателей интеллектуальной собственности.

Иные договоры, в частности, администрируемые ВОИС, такие как Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений, Конвенция по охране промышленной собственности, Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного их воспроизводства и другие призваны конкретизировать регулирование отдельных результатов интеллектуальной деятельности. Так, например, в статье 6 bis Бернской конвенции установлено, что, если любая, не входящая в Бернский союз, страна не обеспечивает достаточной охраны произведениям авторов, которые являются гражданами одной из стран Бернского союза, эта

последняя страна может ограничить охрану, предоставляемую произведениям авторов, которые на дату первой публикации этих произведений являются гражданами другой страны и которые не имеют своего обычного местожительства в одной из стран Союза. Тем самым, можно говорить о включении права авторства (личного неимущественного права) в состав авторского права, как составной части интеллектуальной собственности в рамках ВОИС. Схожие положения находят свое отражения в текстах других международных договоров администрируемых ВОИС.

К международным договорам в сфере интеллектуальной собственности относят, в том числе, соглашения об упрощении процедур регистрации товарных знаков и знаков обслуживания, изобретений, промышленных образцов и иных патентуемых объектов, их международной классификации для целей последующей регистрации. Такие международные договоры, содержащие административные правила, можно рассматривать в качестве процедурных, дополняющих основной массив соглашений о защите прав на интеллектуальную собственность.

Специальные соглашения в сфере международного права интеллектуальной собственности регулируют отдельные вопросы гармонизации, упрощения национальных процедур регистрации объектов интеллектуальной собственности, сотрудничества по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности и иные. Так, например, Мадридское соглашение о пресечении ложных или, вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах регулирует последствия указания на товарах ложных или вводящих в заблуждение обозначений места происхождения, которые прямо или косвенно указывают на одну из стран-участниц Соглашения или на место, находящееся в этой стране. При этом в случае предоставления на товар ложных или, вводящих в заблуждение указаний относительно места его происхождения, соглашением предусматривается наложение обязательств о наложении ареста при его ввозе,

запрета ввоза, а также применение иных мер и санкций³¹.

Частично затрагивают аспекты международно-правовой защиты прав на интеллектуальную собственность международные акты, прямо не образуемые указанной целью. Например, Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран помимо установления целей и форм сотрудничества в космосе определяет необходимость формирования договорных условий совместных проектов государств на справедливой и взаимоприемлемой основе. При этом, как указывается в декларации, они должны полностью согласовываться с законными правами и интересами соответствующих участников, такими, например, как права на интеллектуальную собственность.

Региональная интеграция также способствует развитию международного права интеллектуальной собственности. В частности, Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), основными целями которого являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики содержит положения, касающиеся регулирования отношений в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, включая определение особенностей правового режима применительно к отдельным видам объектов интеллектуальной собственности. Заметим, что положения Договора о ЕАЭС не только связаны с обязательствами в рамках ряда международных договоров, администрируемых ВОИС, но и обязательств в рамках ТРИПС. Несмотря на бланкетное регулирование отношений в сфере охраны и защиты

³¹ Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению ...» от 01.04.1992) // Публикация ВОИС. 1992. № 260(R).

прав на объекты интеллектуальной собственности (с учетом широкой дискреции законодательства государств-членов) в рамках права ЕАЭС заключаются также специальные соглашения в сфере международного права интеллектуальной собственности. Одним из таких актов можно назвать Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза, регулирующий отношения, возникающие в связи с регистрацией, правовой охраной и использованием товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС³². Заслуживает внимания объединение личных неимущественных и исключительных прав в разрезе авторских и смежных прав.

По мнению автора, несмотря на растущую потребность, международное право интеллектуальной собственности не может в ближайшей перспективе быть представлено в виде единого международного соглашения по ряду причин организационного, технического, материального, социального и политического характера, однако необходимо предпринимать усилия, направленные на последовательную кодификацию его положений. Несомненно, охрана прав на интеллектуальную собственность обеспечивается сложным механизмом переплетения международного и национального правопорядков. При этом существенные различия в национальном законодательстве государств, отсутствие стремления поэтапной унификации приводят к рассогласованности и невозможности приведения «устаревающих» международных договоров к современному состоянию. Во многом, можно говорить о тенденции заключения международных договоров, содержащих бланкетные отсылки к «конституционным договорам» в рамках ВОИС, что, несомненно, создает предпосылки для гармонизации не только внутреннего законодательства, но и международно-правовых норм в

³² Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза (Подписан в г. Москве 03.02.2020) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 03.02.2020.

обозначенной сфере. Однако данная ситуация осложнена рассмотренными ранее правовыми рисками.

Другим примером является Европейский Союз, в состав которого входят развитые государства с отличающейся системой охраны интеллектуальной собственности, что во многом побуждает его к необходимости проведения гармонизации и унификации такого законодательства. Договор о функционировании Европейского союза хоть и содержит терминологию, относящуюся к интеллектуальной собственности в разрезе применения единообразных принципов при осуществлении общей торговой политики касательно, в частности, интеллектуальной собственности, необходимости по учреждению европейских правоустанавливающих документов с целью обеспечить единообразную защиту прав интеллектуальной собственности и по введению централизованных режимов санкционирования, координации и контроля в соответствии с обычной законодательной процедурой в Европейском Союзе, тем не менее не раскрывает соответствующее понятие. Вместе с тем, следует согласиться с мнением П.Н. Бирюкова о согласованности правового регулирования в Европейском Союзе в сфере права интеллектуальной собственности, способствующего надлежащему функционированию внутреннего рынка и развитию инновационных продуктов³³.

В правовой науке отмечается, что такой подход связан с тем, что «в странах романо-германской правовой семьи термин «интеллектуальная собственность» определяет только объекты литературной и художественной собственности, а к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, селекционным достижениям и товарным знакам применяется понятие «промышленная собственность»³⁴. Отметим также, что личные

³³ См. подробнее: Бирюков П.Н. Новые правила Евросоюза об авторском праве и смежных правах в цифровую эпоху // Копирайт. Вестник Академии интеллектуальной собственности. 2021. № 2. С. 88-98.

³⁴ Казаченок С.Ю. «Право интеллектуальной собственности объединенной Европы» // Legal Concept. №. 3, 2015. С. 36.

неимущественные права выходят за сферу регулирования права Европейского Союза по аналогии с ТРИПС.

Так, в Директиве 2004/48/ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о защите прав интеллектуальной собственности отмечается, что все государства-члены, а также само Сообщество в отношении вопросов, входящих в его компетенцию, связаны Соглашением по торговым аспектам интеллектуальной собственности, а также иными международными конвенциями, в частности, Парижской конвенцией об охране промышленной собственности, Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений и Римской конвенцией об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного вещания. Вместе с тем, констатируется, что различия между системами государств-членов в отношении средств защиты прав интеллектуальной собственности наносят ущерб надлежащему функционированию внутреннего рынка и делают невозможным обеспечение того, чтобы права интеллектуальной собственности пользовались эквивалентным уровнем защиты на всем Сообществе. В этой связи данная директива направлена на установление согласованных правил судебного сотрудничества, юрисдикции, признания и приведения в исполнение решений по гражданским и коммерческим делам, и на осуществление применимого права. Однако, как отмечалось ранее, директива, касаясь процедур и средств правовой защиты, необходимых для обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности оперирует термином «права интеллектуальной собственности» и при этом включает лишь права промышленной собственности, не раскрывая их содержания. Отчасти такая диспозиция может объясняться с учетом статьи 262 Договора о функционировании Европейского союза, предусматривающей возможность наделить в установленной мере Суд Европейского Союза полномочиями выносить решения по спорам в связи с применением актов, изданных на

основании Договоров, которыми учреждаются европейские правоустанавливающие документы на интеллектуальную собственность.

Фрагментарный характер регулирования интеллектуальной собственности, по сути являющийся расширенным по отношению к международным договорам ВОИС и ТРИПС, в настоящее время предполагает по большей части директивное регулирование. В этой части следует упомянуть:

Директиву ЕС № 91/250/ЕЕС от 14 мая 1991 года о правовой охране программ для ЭВМ;

Директиву ЕС № 92/100/ЕЕС 19 ноября 1992 года о праве на прокат и праве на предоставление в безвозмездное временное пользование и некоторых правах, относящихся к авторскому праву в области интеллектуальной собственности;

Директиву ЕС № 93/83/ЕЕС от 27 сентября 1993 года о согласовании некоторых норм авторского права и прав, относящихся к авторскому праву, применимых к эфирному вещанию через спутник и к ретрансляции по кабелю;

Директиву ЕС № 93/98/ЕЕС от 29 октября 1993 года о гармонизации срока действия охраны авторского права и некоторых смежных прав;

Директиву ЕС № 96/9/ЕС от 11 марта 1996 года о правовой охране баз данных;

Директиву ЕС № 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе;

Директиву ЕС № 2001/84/ЕС от 27 сентября 2001 о праве перепродажи в интересах автора оригинала произведения искусства;

Директиву ЕС по коллективному управлению авторскими и смежными правами от 14 июля 2012 г. и др.

Заметим, что понятия объектов интеллектуальной собственности, поименованных в директивах Европейского Союза, а также механизмы и

способы защиты интеллектуальной собственности, раскрываются применительно ко времени на момент принятия соответствующей директивы, что обуславливает возможную корректировку со стороны Суда Европейского Союза. Данный аспект будет рассмотрен в параграфе 1.2 настоящего исследования.

Регламентами Европейского Союза установлена также система таможенной защиты прав интеллектуальной собственности в отношении надзора и таможенного контроля за товарами, по которым есть подозрения о нарушении прав интеллектуальной собственности, и предполагает их прямое действие. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 608/2013 от 12 июня 2013 г. исходит из определения права интеллектуальной собственности, исходя из непосредственного перечисления ряда объектов закрытого перечня. В целях вышеназванного регламента термин «права интеллектуальной собственности» должен интерпретироваться как означающий, в частности, авторское право, смежные права, право *sui generis* (лат. особого рода) на охрану баз данных и права промышленной собственности. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/1001/(ЕС) от 14.06.2017 о товарном знаке Европейского Союза является основополагающим нормативным актом, в котором отражены положения о регистрации товарных знаков и прочие положения по товарным знакам, не требующим имплементации в национальное законодательство государств-членов. Регламент Совета Европейского Союза от 12 декабря 2001 г. № 6/2002, принятый в развитие Директивы Европейского Союза от 13 октября 1998 г. № 98/71 призван устранить различия в правовой охране промышленных образцов в государствах-членах с целью, чтобы исключить возможность его негативного воздействия на конкурентные отношения в рамках Европейского Союза³⁵.

³⁵ Еременко В.И. Единая система промышленных образцов Европейского союза // Изобретательство. 2013. № 12. 2014. № 1. С. 1-14.

Итак, собирательная характеристика интеллектуальной собственности в текстуальном отображении в рамках действующих международных договоров является условной и неточной, что также отмечается различными специалистами в области права интеллектуальной собственности³⁶. Данному фактору способствует поэтапное развитие общественных отношений. Так, в отношении авторского права В.Л. Энтин отмечает, что отдельные способы восприятия объектов интеллектуальной собственности множатся с каждым витком технологического развития общества³⁷. Нормы, составляющие отрасль международного интеллектуального права, представляются в различных международных соглашениях: двусторонних и многосторонних. Между тем множество положений, касающихся, так или иначе, вопросов предотвращения нарушения интеллектуальных прав государствами-членами, гармонизации внутреннего законодательств, упрощения национальных административных процедур в отношении интеллектуальной собственности составляют массив специальных международных договоров в рассматриваемой сфере. Как упоминалось ранее, договоры, содержащие подобные нормы могут касаться более широкой группы отношений (в частности, договоры о международных экономических союзах, предусматривающих широкий пласт регулирования), или направлены на определенный предмет, в рамках которого государства-члены приняли решение предусмотреть вопросы охраны интеллектуальной собственности, однако наличие таких норм не относит сами договоры к упомянутой отрасли. Следует особо подчеркнуть, что цели и принципы таких соглашений в полной мере должны соотноситься с принципами международного интеллектуального права.

Принципы международного права интеллектуальной собственности, несомненно, являются видовым понятием по отношению к понятию

³⁶ Суханов Е.А. О кодификации законодательства об «интеллектуальной собственности» // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Комментарии. Текст. Предметный указатель. Исслед. центр частного права. М.: Статут. 2007. С. 25-26.

³⁷ См.: Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут. 2017. 216 с.

принципов международного права, что предполагает бесспорный вывод о том, что общепризнанные принципы международного права являются также основными принципами международного права интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, нами предпринята попытка определить также специальные принципы данной отрасли применительно к положениям международных договоров в рассматриваемой сфере.

Следует отметить, что принципы институтов интеллектуальной собственности (авторского права, права промышленной собственности и др.) не могут применяться в отрыве от конкретного международного договора между государствами-членами ввиду их некодифицированного характера, что обуславливает их фрагментарное применение (в том числе по отношению к объектам интеллектуальной собственности в отдельности), однако они должны в полной мере соответствовать специальным принципам международного права интеллектуальной собственности. В этой связи можно говорить о том, что охрана отдельных объектов будет осуществляться с применением специальных принципов отдельных институтов.

Бернская конвенция, заключенная в целях обеспечения охраны прав авторов на литературные и художественные произведения, основывается на трех принципах:

1) Принцип национального режима – произведения должны пользоваться таким же объемом охраны в каждом из договаривающихся государств-членов, который предусмотрен в последнем для охраны прав своих граждан, юридических лиц и т.д. Данный принцип закреплен в ряде иных международных договоров, например, в Парижской конвенции, Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, касательно прав на иные объекты интеллектуальной собственности;

2) Принцип автоматической охраны, предусматривающего охрану литературных и художественных произведений при отсутствии выполнения каких-либо формальностей;

3) Принцип независимости охраны прав автора произведения от наличия охраны в стране происхождения.

Соглашение, применительно к торговым аспектам деятельности ТРИПС, основывает свое действие на принципах национального режима, режима наибольшего благоприятствования, направленных на исключение дискриминации частных и юридических лиц в рамках Всемирной торговой организации и способствующих развитию международной торговли, ограничению охраны публичных интересов государств-членов Всемирной торговой организации мерами, которые соответствуют положениям ТРИПС, а также принципа запрета толкования ТРИПС как международного договора, ограничивающего применение Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года, Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, Римской конвенции и Вашингтонского договора по интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем.

Специальные принципы международного права интеллектуальной собственности обладают широким охватом своего действия. В общем виде международное право интеллектуальной собственности строится на принципах национального режима, режима наибольшего благоприятствования, независимой охраны, минимальных стандартов охраны, приоритета, открытости и соблюдения баланса интересов правообладателей, пользователей и государства.

Отдельного внимания заслуживает формируемый принцип придания правам на интеллектуальную собственность экстерриториального характера. По общему правилу права на интеллектуальную собственность, приобретенные в соответствии с законодательством определенного

государства, действуют лишь на его территории, за исключением факта наличия соответствующего международного договора, регулирующего данные правоотношения между рядом государств, где испрашивается соответствующая охрана. К вопросам, касающимся особенностей преодоления территориального характера прав на интеллектуальную собственность и роли международных договоров неоднократно обращались в своих работах отечественные и зарубежные исследователи³⁸. Отметим, что такое развитие можно назвать «ограниченным», поскольку экстерриториальный характер прав на интеллектуальную собственность предполагает возможность защиты соответствующих нарушенных прав на территории другого государства, отличного от того, где испрашивается правовая защита, что во многом может быть несопоставимо с международными обязательствами не вмешиваться в вопросы, относящиеся исключительно к внутригосударственной компетенции отдельного суверенного государства.

Среди договоров, обращенных непосредственно к защите интеллектуальной собственности путем закрепления соответствующих базовых принципов правового регулирования, требованиям, упрощающих процедурные вопросы заявителей в отношении различных объектов интеллектуальной собственности, регулированию вопросов гармонизации национальных законов и процедур договаривающихся стран в отношении регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности и иных, можно выделить следующие: Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Договор о патентной кооперации (РСТ), Евразийская патентная конвенция, Европейская патентная конвенция, Гаагская система международной регистрации промышленных образцов, Мадридское соглашение о международной регистрации знаков и Протокол к Мадридскому

³⁸ См.: Friedmann D. The uniqueness of the trade mark: a critical analysis of the specificity and territoriality principles // *European Intellectual Property Review*. 2016. № 38 (11). P. 678-679.; Алексеев С.С. *Общая теория права*. М.: Юридлит. Т. 2. 1982. 360 с.; Алексидзе Л.А. *Некоторые вопросы теории международного права*. Императивные нормы. *Jus cogens*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. 1982. 406 с.

соглашению, Ниццкое соглашение о международной классификации товаров и услуг, Договор о законах по товарным знакам (ТЛТ), Сингапурский договор о законах по товарным знакам, имеющий конкретизирующие отличие от ТЛТ, Найробский договор об охране олимпийского символа, закрепляющий условия использования олимпийского символа в композиции товарного знака и др.

Многие международные договоры, не содержащие упоминаний термина «интеллектуальная собственность», определяют предмет тех самых составных частей интеллектуальной собственности, которая раскрывается в Конвенции, учреждающую ВОИС, распадаясь на более мелкие структурные единицы, такие как права на литературные, художественные и научные произведения, исполнительскую деятельность артистов, звукозаписи, изобретения, промышленные образцы, средства индивидуализации и др.

Совокупность международных договоров позволяет говорить о двух институтах, оказывающих наиболее существенное воздействие на формирование международного права интеллектуальной собственности: Всемирная организация интеллектуальной собственности и Всемирная торговая организация. Отличные договоры от администрируемых вышеназванными организациями образуют региональное регулирование интеллектуальной собственности, во многом основанное на международных договорах Всемирной организации интеллектуальной собственности и Всемирной торговой организации.

Отметим также, что наличие пересекающихся понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» в вышеназванных международных договорах сложно назвать взаимодополняющими, потому как термин «интеллектуальная собственность» относится непосредственно к объектам, таким как «изобретения, произведения, товарные знаки и т.д.», в то время как права интеллектуальной собственности указывают на предоставленные внутригосударственные

гарантии надлежащим субъектам таких прав, предоставляемых обязанными государствами.

Широкий круг зависимых друг от друга международных договоров, создавая в определенном ключе базовый фундамент международного права интеллектуальной собственности, в настоящее время имеет тенденцию надстраиваться новыми «подобъектами» интеллектуальной собственности. В таких условиях данный термин носит собирательное (общее) значение, прикладная роль которого сводится к правильному уяснению государствами-членами его содержания для национального правопорядка и используется для обозначения группы правовых режимов, каждый из которых в разной степени предоставляет права собственности на конкретный объект.

В условиях различных подходов к применению данного термина в международной правовой сфере практическая значимость для выделения общего понятия видится в необходимости гармонизации национальных правовых систем, а также воспрепятствования свободного, неконтролируемого расширения охватываемых этой категорией объектов. Между тем, требуется более внимательно относиться к отсылкам к иным международным договорам при использовании указанной терминологии, поскольку в настоящее время тенденция расширения перечня международных договоров, содержащих положения об интеллектуальной собственности, отражает все меньшую ясность в определении сущности категории «интеллектуальная собственность».

Итак, в целях развития теории международного права *«интеллектуальную собственность» в международном публичном праве можно охарактеризовать как совокупность правовых режимов, каждый из которых включает группу имущественных субъективных прав на нематериальные объекты, а также связанных с ними личных неимущественных прав, относящихся к интеллектуальной и творческой деятельности человека в производственной, научной, литературной и*

художественной областях, определяемые международным договором или решением уполномоченного международного суда. Указанную совокупность прав можно условно разделить на общепринятые права, относящиеся к литературным, художественным, научным произведениям, исполнительской деятельности, звукозаписям, изобретениям, промышленным образцам, средствам индивидуализации, научным открытиям и другим поименованным объектам, защиту против недобросовестной конкуренции, а также иные, формируемые судебной практикой производные права посредством использования расширительного толкования.

1.2. Международные судебные учреждения: о правовой сущности интеллектуальной собственности

Ускоренная интеграция экономики различных государств, развитие общества, основанного на знаниях и умениях, во многом способствует повышению роли и значимости интеллектуальной собственности в настоящее время. Вместе с тем, возрастает ряд рисков и угроз для установления необходимого и качественного правового обеспечения реализации и защиты прав на интеллектуальную собственность. В данном аспекте ведущая позиция отводится субъектам международного права (государствам и международным межправительственным организациям) по заключению соответствующих международных договоров и внесению изменений в существующие, что во многом является актуальным инструментом реагирования в рамках глобализации общемировых процессов.

Не менее существенный механизм принятия мер, способствующий нормотворческому процессу и правореализации в рамках международного права в целом и международного права интеллектуальной собственности в частности, по праву закреплен за международными судебными учреждениями (международными судами), оказывающими значительное воздействие на

становление и толкование международного права интеллектуальной собственности.

Международные суды призваны в первую очередь разрешать фактический спор между субъектами международного права в целях развития международного сотрудничества, обеспечения верховенства права, а также осуществления защиты прав при нарушении взятых на себя обязательств государством, международной организацией и иными субъектами.

Вместе с тем, дискуссии о роли международных судебных учреждений не являются однополярными. Так, в работе Л.А. Камаровского впервые был поставлен вопрос о необходимости и целесообразности учреждения постоянного международного суда, который в дальнейшем преобразовался в связи с созданием Постоянной Палаты международного правосудия Лиги Наций. Автор последовательно предлагает исходить из цели создания такого учреждения – осуществление мирного разрешения международных споров. Обосновывая предложенные принципы международного права требованиями справедливости и естественного права, а также обеспечением реального мира между народами Л.А. Камаровский вместе с тем предложил наделить суд компетенцией «составления новых международных законов»³⁹. Определенную поддержку данная позиция получала вплоть до создания Постоянной Палаты международного правосудия⁴⁰.

С учреждением Международного суда Организации объединенных наций и развитием методов мирного урегулирования международных споров, во многом закрепившего успех и лучшие практики Постоянной Палаты международного правосудия и первого многостороннего учреждения в форме арбитража – Постоянной палаты третейского суда, в настоящее время трансформировавшаяся по большей части в арбитраж по разрешению

³⁹ См.: Камаровский Л.А. О международном суде. М.: Типография Т.Малинского. 1881. С. 529.

⁴⁰ См.: Lauterpacht H. The Development of International Law by the International Court. Cambridge: Grotius Publications, 1982. 430 p.

коммерческих споров, наука и практика вновь активизирует вопрос о нормотворческой функции суда.

Во многом лоббирование данного механизма (нормотворческого) применительно к компетенции международных судов может быть продиктовано политико-экономическими интересами государств англосаксонской правовой семьи. Вопросы, касающиеся предсказуемости международно-правового регулирования отмечались в консультативных заключениях Международного суда ООН, не обладающих *de jure* обязывающим характером, но, тем не менее, рассматриваемых в качестве совокупности формализованных международных обычаев⁴¹. Так, в Консультативном заключении от 8 июля 1996 года по вопросу законности угрозы ядерным оружием и его применением при рассмотрении юрисдикции суда часть государств утверждали, что Суд Организации Объединенных Наций выйдет за рамки своей судебной роли и возьмет на себя нормотворческие функции. Ответом стало то, что «Суд излагает действующие нормы права и не может заниматься нормотворчеством...даже если в ходе изложения и применения права Суду неизбежно приходится уточнять сферу его действия и иногда отмечать его общую направленность»⁴².

В этом отношении Г.И. Тункин отметил: «Решения Международного суда входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования»⁴³.

С учетом того, что Суд Организации Объединённых Наций за время своего существования не ставил предметом разбирательства вопросы, непосредственно связанные с правом интеллектуальной собственности,

⁴¹ См.: Сюняева М.Д. Анализ решений и консультативных заключений Международного Суда ООН в контексте вопроса о формировании норм международного обычного права // Вестник РУДН. 2012. № 1. С. 217-225.

⁴² Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерного оружия и его применении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного суда ООН. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/advisory-opinions/advisory-opinions-1996-ru.pdf> (дата обращения: 09.03.2022). Текст: электронный.

⁴³ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Междунар.отношения. 1970. С. 208.

указанный тезис Г.И. Тункина справедливо может применяться и к иным международным судебным учреждениям при наличии у них соответствующей компетенции.

В отечественной и зарубежной литературе проводится различие между международными судами, которые при вынесении решения непременно следуют букве источников применяемого права и более либеральных, которые при вынесении решений вправе опираться на телеологические критерии, выяснении целевой направленности нормативных положений⁴⁴. В этой связи можно говорить о «буквенном» и «эволютивном» подходах к толкованию международных актов, где при использовании последнего такие суды как Суд Европейского Союза (далее – Суд ЕС) и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) рассматривают норму права как «живой инструмент», значение которых может быть не связано ни с их историческим пониманием, ни с субъективными намерениями при ее создании сторонами⁴⁵.

Бесспорно международные суды, такие как Международный Суд ООН, региональные суды по правам человека, суды региональных интеграционных объединений, специализированные международные судебные учреждения (Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации и др.) в полной мере можно назвать международными, созданными по волеизъявлению государств на основании международных договоров, актов международных межправительственных организаций и призванных оказывать содействие в урегулировании международных споров мирными средствами. Менее ясна позиция в отношении квазисудебных органов, по своей сущности не являющихся судами (Комитет по правам человека); органов, не имеющих постоянного характера деятельности и создающихся *ad hoc* (лат. для специального случая) (Центр ВОИС по Арбитражу и посредничеству,

⁴⁴ См.: George Letsas «Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer» (2010) 21 *European Journal of International Law*, P. 509-541; Hersch Lauterpacht «Restrictive Interpretation and the Principle of Effectiveness in the Interpretation of Treaties» (1949) *British Yearbook of International Law* 26. P. 48-85.; Patrick Neill, *The European Court of Justice: a case study in judicial activism* // *European Policy Forum*, 1995. 54 p.

⁴⁵ См.: Beck G. *Judicial Activism in the Court of Justice of the EU* // *University of Queensland Law Journal*. Vol. 36. 2019. №. 2. P. 338.

Постоянная палата третейского суда). Уникальность последнего суда заключается в том, что Палата сочетает в себе качества арбитража ad hoc и институционального арбитража, так как суд существует только для того, «чтобы обеспечить возможность обращаться к третейскому суду в случае международных споров» в соответствии со статьей 41 Гаагской конвенции⁴⁶. На данное обстоятельство указывает ряд исследователей в области права⁴⁷.

В этой связи применительно к настоящему исследованию будут рассмотрены подходы международных судебных учреждений к определению сущности интеллектуальной собственности, за исключением ad hoc арбитражей, в рамках деятельности Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации, Суда ЕС, Суда Евразийского экономического союза, ЕСПЧ.

Орган по разрешению споров (далее – ОРС) является квазисудебным органом Всемирной торговой организации, полномочия которого установлены в Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее – Договоренность)⁴⁸. В этой связи ОРС имеет полномочия создавать третейские группы, принимать доклады третейских групп и апелляционного органа (судебное звено), контролировать выполнение решений и рекомендаций и разрешать приостановление уступок и других обязательств, которые вытекают из охваченных Соглашений, в том числе по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. С учетом, что система урегулирования споров является базовым элементом, направленным на обеспечение безопасности и предсказуемости международной торговой системы. Статьей 3 Договоренности установлено, что рекомендации и

⁴⁶ I Гаагская конвенция о мирном решении международных столкновений (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // действующее международное право. Т.1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 776-788.

⁴⁷ См.: Пешнин А.С. Постоянная палата третейского суда как средство мирного разрешения международных споров // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 298-305.; Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Агейченко К.В. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М., 2011. С. 104.

⁴⁸ Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (ДРС/DSU) [рус., англ.] (Вместе с «Соглашениями...», «Специальными или дополнительными правилами...», «Процедурой работы», «Консультативными группами экспертов») (Подписана в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2850-2873.

решения ОРС при внесении ясности в отношении действующих правовых актов в рамках Всемирной торговой организации не могут увеличить или уменьшить права и обязательства.

Вместе с тем, положения Договоренности не лишают права членом искать авторитетное толкование положений охваченного Соглашения, используя механизм принятия решений Соглашения о ВТО или охваченного Соглашения, являющегося Торговым соглашением с ограниченным кругом участников.

Ранняя практика третейских групп во время действия Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) 1947 однозначно позиционировалась как не связанная с более ранними решениями⁴⁹. Однако в одном из первых споров Japan - Taxes on Alcoholic Beverages в период действия ГАТТ 1994 третейская группа в первом решении установила, что принятые доклады являются «последующей практикой» в понимании статьи 31.3(b) Венской конвенции о праве международных договоров, что устанавливало такие решения как источник права. Позднее данная позиция была скорректирована Апелляционным органом, который отметил значимость таких решений и возможность их учета применительно к конкретному спору, однако резюмировал их рекомендательный характер⁵⁰.

Отметим также, что до появления соглашения ТРИПС, споры относительно торговых аспектов защиты прав интеллектуальной собственности не были частым предметом рассмотрения в ОРС. Являясь «революционным» в аспекте повышения гарантий охраны прав интеллектуальной собственности, соглашение ТРИПС, вместе с тем, содержит существенное исключение из общих правил урегулирования споров в соответствии с договоренностью. Данное исключение касается неприменения

⁴⁹ См., например: Bhala R. The Myth About Stare Decisis and International Trade Law (Part One of a Trilogy) // American University International Law Review. Vol. 14. 1999. №. 4. P. 845-956; Chua A. The Precedential Effect of WTO Panel and Appellate Body Reports // Leiden Yearbook of International Law. Vol. 11. 1998. No. 1. P. 45-61.

⁵⁰ Report of the WTO Appellate Body 1994 «Japan - Taxes on Alcoholic Beverages», October 4, 1996. URL: [http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtoab/japan-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtoab/japan-alcohol(ab).pdf) (дата обращения: 24.11.2022).

правила подачи жалоб, не связанных с нарушением (non-violation complaint). При этом согласно ТРИПС по общему правилу государство вправе обратиться в ОРС при нарушении третьим лицом – государством соглашения, обязательства в рамках Всемирной торговой организации. Введение механизма подачи жалоб, не связанных с нарушением, обусловлено необходимостью достижения баланса выгод, достигнутых в ходе многосторонних переговоров, а также углубленной системы защиты международной торговли и конкуренции, однако до настоящего времени на его применение в спорах, связанных с соглашением ТРИПС, наложен мораторий⁵¹. Отдельным вопросом для обсуждения являются также исключения по соображениям безопасности, установленные в положениях ГАТТ как основания для ненадлежащего толкования, названные А.С. Смбатянов «темным царством» ВТО⁵².

В настоящее время можно говорить о сочетании в механизме ОРС дипломатических и судебных инструментов урегулирования споров. В отношении десятков споров, предметом которых выступали права на интеллектуальную собственность, следует отметить приверженность сторон (при дипломатической процедуре), и групп (при апелляционной процедуре) буквальному толкованию положений соглашения ТРИПС. При этом следует заметить, что абсолютное количество споров связано с законами государства-ответчика, налагающими чрезмерные ограничения по отношению к соглашению ТРИПС, препятствующие развитию международной торговли, или явно несовместимые с соглашением ТРИПС. Сказанное не исключает рассмотрения будущих споров, вносящих ясность в отношении отдельных категорий, которые являются предметом разделов 1-7 части II соглашения ТРИПС и составляют общую характеристику интеллектуальной

⁵¹ Fisheries Subsidies. Ministerial Decision of 13 December 2017. 18 December 2017. № WT/MIN(17)/64WT/L/1031. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/64.pdf&Open=True>. (дата обращения: 24.11.2022).

⁵² Смбатян А.С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации. Монография. М. : ИНФРА-М, 2018. С. 290.

собственности.

Отдельные опасения возникают в связи с фактическим прекращением деятельности Апелляционного органа ОРС, в связи с блокированием избрания новых членов данного органа, хотя реформа ОРС и является постоянным предметом дискуссий Министерских конференций Всемирной торговой организации⁵³.

Практика суда ЕАЭС в настоящее время является недостаточно разработанной: по состоянию на 2023 год, несмотря на включение в текст Договора о ЕАЭС раздела об интеллектуальной собственности и протокола к нему, разработку отдельных международных договоров о товарных знаках в рамках ЕАЭС, принятие Таможенного кодекса ЕАЭС, Судом ЕАЭС не было принято ни одного решения касательно, так или иначе, вопросов, связанных непосредственно с интеллектуальной собственностью. Данная пассивность и творческая неосторожность во многом не соответствуют потребностям развития порядка ЕАЭС⁵⁴. Однако в некоторых делах Суд ЕАЭС рассматривал споры в части вопросов о происхождении товаров, имеющих непосредственное значение для целей защиты прав интеллектуальной собственности, обладающих территориальным характером действия, например в отношении спора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в части невыполнения последней своих международных обязательств о таможенном регулировании⁵⁵. Суть спора состояла, по мнению истца, (Российской Федерации) в необоснованном задержании и конфискации сотрудниками таможенных служб Республики Беларусь бытовой техники, произведенной российскими компаниями и перевозимой автотранспортом через Литву и Республику Беларусь на территорию Российской Федерации с

⁵³ См.: Исполинов А.С., Кадышева О.В. Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С. 136-144.

⁵⁴ См.: Толстых В.Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2018. № 3 (27). С. 66-76.

⁵⁵ См.: Спор о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, Таможенного кодекса Таможенного союза и Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 24.11.2022).

использованием таможенной процедуры транзита на основании актов таможенных органов России, подпадающих под взаимное признание государствами-членами ЕАЭС. Республика Беларусь, в свою очередь утверждала, что товары находятся в процедуре таможенного контроля для установления факта действительного происхождения товара.

Большая коллегия Суда в своей правовой позиции установила, что взаимное признание решений таможенных органов не препятствует проведению ими таможенного контроля в пределах их компетенции, а является вспомогательным правовым элементом, направленным на эффективное завершение процедуры таможенного транзита посредством взаимодействия таможенных органов в рамках взаимной административной помощи и признания решений.

Как отмечал Суд, действия любого из государств-членов по процедурам таможенного контроля не должны выходить за рамки требований таможенного законодательства таможенного союза, носящие расширительный характер толкования их прав, что препятствует реализации принципа функционирования таможенного союза – свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля.

Следует подчеркнуть, что при проведении таможенного контроля исследуются документы о происхождении товаров, заявленные в таможенной декларации и иных документах в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС. При этом правообладатель, имеющий достаточные основания полагать, что может иметь место нарушение его прав на объекты интеллектуальной собственности вправе подать заявление о включении объекта интеллектуальной собственности в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов. Вместе с тем, меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в отношении товаров, содержащих такие объекты интеллектуальной

собственности, как наименования мест происхождения товаров, включенные в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов, принимаются в соответствии с порядком, определяемым Комиссией ЕАЭС, который до настоящего времени не был определен, а, следовательно, не был предметом тщательного исследования Судом ЕАЭС.

Напротив, *практика Европейского суда по правам человека* изобилует разнообразием подходов и инструментов, представляющих интерес к настоящему исследованию.

Для определения сущности «интеллектуальной собственности» нельзя не остановиться на Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ), вступившей в силу в 1953 году и в которой не только установлены неотъемлемые права и свободы каждого человека, которые должны гарантировать государства-члены, но и действует специальный международный судебный орган, рассматривающий межгосударственные дела и индивидуальные жалобы против государств, подписавших Конвенцию и нарушивших ее положения.

Нормы ЕКПЧ содержат ряд основных прав и свобод, нарушение которых может быть урегулировано в рамках деятельности ЕСПЧ. Между тем дополнительными статьями к тексту ЕКПЧ являются ратифицированные соответствующими государствами протоколы к указанной конвенции, содержание которых направлено как на изменение и дополнение текущих прав и свобод человека, гарантированных в соответствии с Конвенцией, так и направлены на корректировку административных механизмов судебного органа.

Для целей настоящего исследования интерес представляют нормы, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности, а точнее права собственности как такового.

Отметим, что в первоначальной редакции ЕКПЧ 1950 года отсутствовали статьи в отношении защиты права собственности, что во

многим может объясняться политико-идеологическими мотивами и существенными различиями в законодательстве различных государств-членов. Вместе с тем, к моменту вступления в силу, ЕКПЧ была дополнена Протоколом № 1, гарантировавшим среди прочего уважение права собственности.

Статья 1 Протокола № 1 включает в себя три основных положения:

1) уважение права собственности («Каждое физическое и юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности»);

2) невозможность лишения имущества («Никто не может быть лишён своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»);

3) условия ограничения права собственности в виде контроля государства за ее использованием («Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов»).

Можно отметить, что данная специфичная конструкция не была рассмотрена в первой главе, так как из буквального понимания текста Протокола к ЕКПЧ не явствует, что собственность распространяет свое действие также и на интеллектуальную собственность, общепризнанно являющуюся иной «субстанцией», поскольку право интеллектуальной собственности основано на двух элементах: непосредственно права и объекте, к которому относится такое право, а также нефизическое свойство такого объекта, поэтому в каком-то смысле можно говорить о праве интеллектуальной собственности как о праве на информацию. Между тем, применяемая ЕСПЧ концепция объектов права собственности носит очень широкий характер и не ограничивается только материальными вещами, но включает также весь спектр нематериальных объектов от интеллектуальной

собственности до обязательственных прав требования⁵⁶. В этой связи можно говорить не о собственности как таковой, а об имуществе, что не раз было предметом научных дискуссий⁵⁷.

Возвращаясь к концепции трех положений ЕСПЧ должен установить в каждом конкретном деле применимость Протокола № 1. Применительно к нематериальным активам Суд принял во внимание, в частности, что рассматриваемый вопрос затрагивал финансовые права и интересы (имущественные) заявителей и, следовательно, имел экономическую ценность. С таким подходом Суд применил относимость вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью. Таким образом, Суд интерпретировал, например, интеллектуальную собственность, такую как товарные знаки, авторские права и патенты⁵⁸.

Следует также отметить, что Статья 1 Протокола № 1 применяется только к существующему «имуществу» лица, то есть прямо связанному с правомочием владения или в отношении активов, включая права требования, в отношении которых заявитель может утверждать, что он имеет «законное ожидание» получения эффективного пользования права собственности⁵⁹. При этом ЕСПЧ не раз в своих постановлениях отмечал существенный критерий такого имущества как «законные ожидания», которые должны отвечать определенному перечню оснований⁶⁰⁶¹.

При этом «Законное ожидание» или факт владения исключается при обстоятельствах «возможности» признания права собственности за

⁵⁶ Толстова А.Е. Защита права собственности в европейском суде по правам человека // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 146-150.

⁵⁷ См.: Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл и Уорбик; [пер. с англ. Власихин В.А. и др.]. Науч. Изд. М.: Развитие правовых систем, 2016. 1432 с.

⁵⁸ Smith Kline and French Laboratories LTD against the Netherlands // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-738%22%5D%7D> (дата обращения 02.12.2022).

⁵⁹ См.: Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис О'Бойл и Уорбик; [пер. с англ. Власихин В.А. и др.]. Науч. изд. М.: Развитие правовых систем. 2016. 1432 с.

⁶⁰ Case of J.A. Pye (Oxford) LTD and J.A. Pye (Oxford) Land LTD v. The United Kingdom // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-82172%22%5D%7D> (дата обращения 02.12.2022).

⁶¹ Кириенков П.О. Защита права собственности по европейскому праву : дис. ... кан. юрид. наук. М. 2012. 187 с.

заявителем и/или в случаях выбытия такого имущества из законного владения по причинам невыполнения существенных обязательств. Так, например, Палата ЕСПЧ признала, что заявка на регистрацию товарного знака в спорном порядке порождает финансовые интересы, в том числе право приоритета перед последующим и представляет собой денежный интерес, пользующийся определенной степенью правовой защиты⁶². Однако Палата повторила, что статья 1 Протокола № 1 применяется только к существующему имуществу лица. Так, например, перспектива на восстановление утраченного права собственности не может быть равносильна самому владению. То же самое относится к условному требованию, которое теряет свою силу при невыполнении условия. Компания-заявитель не может быть полностью уверена в своем праве владения товарным знаком до окончательной его регистрации и в случае отсутствия возражений со стороны третьих лиц. Иными словами, у компании-заявителя хоть и было условное право, но которое было аннулировано в прошлом из-за невыполнения условия. В результате, судебная палата пришла к выводу, что хотя ясно, что товарный знак мог бы представлять собой «владение» в смысле статьи 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, это стало бы возможным только после окончательной регистрации знака в соответствии с применимыми правилами данной страны.

До такой регистрации заявитель, обладать правом на приобретение такого «владения», но это не охраняемое законом правомерное ожидание⁶³. При этом само существование права «владения» должно быть доказано заявителем⁶⁴.

Как отмечает В.Н. Глонина, «дела в сфере интеллектуальной собственности не рассматривались ЕСПЧ вплоть до 1990-х гг., а первым делом

⁶² Case of Anheuser-Busch Inc. v. Portugal // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-78981%22> (дата обращения 02.12.2022).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Case of Pištorová v. The Czech Republic // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-67204%22> (дата обращения 02.12.2022); Des Fours Walderode v. The Czech Republic // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-92969%22> (дата обращения 02.12.2022).

стало «Смит Кляйн» и компании «Френч лабораториз Лтд.» против «Нидерландов», в котором понятие «имущество» (в смысле ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции) было распространено на патенты, тогда как патентообладатель был причислен к категории «владелец имуществом»⁶⁵. В этой связи заслуживают внимания также ремарки некоторых исследователей в отношении некорректного отождествления термина «property rights» (имущественные права) с правом собственности⁶⁶.

Тем не менее, к настоящему времени ЕСПЧ на основании статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека, усматривая право «владения», обращалась к охвату данной статьей таких объектов как торговые марки, патенты, авторские права, права на перевод, исключительное право на использование и распоряжение зарегистрированным интернет-доменом, лицензия на предоставление доступа в Интернет, право на публикацию перевода и др. Следует отметить, что в настоящее время неимущественные права не охватываются положениями статьи о защите «права собственности» (права интеллектуальной собственности), однако находят свое отражение при реализации права на защиту в рамках иных положений ЕКПЧ.

Таким образом, в праве ЕКПЧ не закреплено как таковое понятие интеллектуальной собственности, являясь, по своей сути, элементом собственности, понятие которого широко раскрывается в различных постановлениях ЕСПЧ. Тем не менее, для целей защиты прав физических лиц и организаций данное право эволюционировало из такой категории как «право собственности» (имущественные права). Право в условиях международного судопроизводства в рамках ЕСПЧ существует и развивается независимо от

⁶⁵ См.: Глонина В.Н. Интеллектуальная собственность и основные права человека: какова роль ЕСПЧ на пути достижения баланса интересов? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека № 4 (2018): «Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека». М.: Развитие правовых систем, 2018. С. 294-314.

⁶⁶ См.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.

наличия рамочных ограничивающих понятий, тем самым способствуя более своевременным реакциям на динамичные общественные отношения. Указанный подход также явствует из дела *Anheuser-Busch Inc. против Португалии*, где Палата ЕСПЧ, устанавливая нарушение статьи 1 Протокола № 1, отметила, что, хотя интеллектуальная собственность как таковая бесспорно пользуется защитой этого положения, возникает вопрос о том, может ли простое заявление о регистрации товарного знака также подпадать под действие статьи 1 Протокола № 1. Таким образом, ЕСПЧ исходит из условного понимания интеллектуальной собственности, защищаемой международным и внутригосударственным правом в том смысле, что не раскрывает содержание ее понятия или общего перечня охватываемых ею объектов. Вместе с тем, следует отметить, что в ряде прецедентов Суд прямо указывает на те или иные объекты международного права интеллектуальной собственности, подпадающие под защиту ЕСПЧ.

Наиболее богатая судебная практика по спорам, связанным с разрешением вопросов в части международного права интеллектуальной собственности, присутствует в рамках такого масштабного интеграционного объединения как Европейский Союз.

Как известно *практика Суда Европейского Союза* оказала глубокое влияние на развитие международного права интеллектуальной собственности, а также обеспечение его защиты на европейском пространстве. Можно назвать важнейшим достижением Суда Европейского Союза в контексте формирования массива прецедентного права, что предоставляет государствам Европейского Союза не только возможности расширения объема толкования той или иной нормы в сфере права интеллектуальной собственности, но и в определенной степени новый «источник права». Суд Европейского Союза в данном ключе выступает своего рода механизмом, призванным преодолевать пробелы и коллизии права Европейского Союза в условиях изменяющихся,

эволюционирующих общественных отношениях *hic et nunc* (лат. здесь и сейчас).

Несомненно, такая практика оказывает существенное воздействие и на внутреннее законодательство государств-членов Европейского Союза, что более подробно будет рассмотрено в параграфе 2.1 настоящего исследования. Статья 267 Договора о функционировании Европейского Союза, представляющая собой уникальную систему взаимодействия между национальными судами и национальным судом⁶⁷, во многом позволила Суду Европейского Союза принять множество знаковых предварительных решений по спорам, касающимся различных правовых институтов в рамках международного права интеллектуальной собственности, таких как авторское право, права на средства индивидуализации, промышленная собственность, а также иных форм охраны интеллектуальной собственности⁶⁸.

Преюдициальный запрос как наиболее яркий пример судебного толкования является востребованным механизмом «общения» национальных судов с Судом Европейского Союза посредством запроса к последнему в части толкования и применения права Европейского Союза при возникновении трудностей в ходе проведения разбирательства между спорящими сторонами в рамках национального судопроизводства. Такой запрос по рассматриваемому делу, передаваемый Суду Европейского Союза по узкому вопросу о толковании норм права Европейского Союза, а также в некоторых случаях о действительности актов Европейского Союза при этом не предполагает разрешения Судом Европейского Союза спора по существу. В данном аспекте можно отметить пересечения с механизмом судебного усмотрения и судебного активизма (форма, используемая ЕСПЧ при

⁶⁷ См.: Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 76-95.

⁶⁸ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (2007/С 306/01) // Official Journal of the European Union № 306. 2007. P. 1.

эволютивном толковании норм ориентиров)⁶⁹. В таких решениях (преюдициальных) Суд Европейского Союза реализует свои нормотворческие полномочия⁷⁰. Аналогичное мнение находит отражение в трудах зарубежных исследователей, отмечающих «текстовой» (буквальный) и «эволютивный» (расширительный) подходы к толкованию договоров, где при использовании последнего такие суды как Суд Европейского Союза и ЕСПЧ рассматривают норму права как «живой инструмент», значение которой может быть не связано ни с ее историческим контекстом, ни с субъективными намерениями сторон договора при ее создании⁷¹. Вместе с тем именно такой судебный активизм, выходящий за рамки традиционного понимания толкования правовой нормы, вызывает научную критику⁷². При этом, как отметил А.И. Ковлер, термин «margin of appreciation» следует переводить не как «свобода усмотрения», а как «поле усмотрения», поскольку он подразумевает границы в определении дозволенного ограничения прав и свобод, а не вседозволенность⁷³.

В решениях в сфере международного права интеллектуальной собственности Суд Европейского Союза стремится уточнить объем объектов исключительных прав, указать на недостатки правового регулирования национального законодателя при их интерпретации, а также обеспечить надлежащую защиту этих прав при совокупном исследовании международного права, права Европейского Союза и национального законодательства, применимого к конкретному судебному делу. В этой связи

⁶⁹ См.: Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 92-100.

⁷⁰ Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейского сообщества / Д. С. Тихоновецкий // Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 209.

⁷¹ Beck G. Judicial Activism in the Court of Justice of the EU // University of Queensland Law Journal. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 338.

⁷² См.: Ибрагимова Ю.Э., Мехтиев М.Г. Эволютивное толкование норм, регулирующих международные финансовые механизмы в практике международных судебных органов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 127-133; Энгстрем, И. Прямое действие права Европейского союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 88-103.

⁷³ См. Ковлер А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 55.

Суд Европейского Союза служит «мостом» своевременной интерпретации актов права Европейского Союза в целях обеспечения их правильной и последовательной реализации во всех государствах-членах.

Следует отметить, что Суд Европейского Союза действует в рамках поля усмотрения. Так в решении по делу NovaText GmbH x Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg касательно толкования статьи 3 (1) и статьи 14 Директивы 2004 /48/ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о защите прав интеллектуальной собственности отмечает предмет ее рассмотрения: «Настоящая Директива касается мер, процедур и средств правовой защиты, необходимых для обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности. Для целей настоящей Директивы термин «права интеллектуальной собственности» включает права промышленной собственности», что в общем виде отражает буквальное толкование директивы⁷⁴.

Несколько иной подход Суда Европейского Союза прослеживается в решениях, касающихся отдельных режимов (институтов) международного права интеллектуальной собственности, находящих отражение в актах права Европейского Союза.

При этом такие решения могут касаться не только объема, например, авторского права, отвечать на вопрос относительно содержания термина объектов, охраняемых таким правом, как произведение, но и определять объем правомерного использования и распоряжения таким произведением. Так, например, в деле Austro-Mechana ставился вопрос об охвате действием статьи 5(2)(b) Директивы 2001/29 правомочия использования – хранения контента в облачных сервисах⁷⁵. Суд Европейского Союза с учетом пунктов 2 и 5

⁷⁴ CJEU. Case C-175/21 Harman International Industries Inc. v AB S.A. [Электронный ресурс] / Judgment of the Court (Fifth Chamber) от 17 November 2022. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Article%2B1%2Bof%2BDirective%2B2004%252F48%252FEC&docid=268029&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2366314#ctx1> (дата обращения 12.12.2022).

⁷⁵ CJEU. Case C-433/20 Austro-Mechana Gesellschaft zur Wahrnehmung mechanisch-musikalischer Urheberrechte Gesellschaft mbH v Strato AG // Judgment of the Court (Second Chamber) of 24 March 2022.

преамбулы Директивы 2001/29 отметил, что она направлена на создание общей и гибкой основы на уровне Европейского Союза для содействия развитию информационного общества, а также адаптации и дополнения действующих актов об авторском праве и смежных правах таким образом, чтобы реагировать на технологический прогресс, создавший новые способы использования охраняемых произведений. В этой связи Судом ЕС признано, что понятие «любой носитель», упомянутый в Статье 5(2)(b) Директивы 2001/29, включает «сервер», на котором провайдер предоставил пользователю место для хранения данных.

В другом решении «Levola Hengelo BV v Smilde Foods BV» относительно вопроса о толковании Директивы 2001/29 как исключаящей защиту вкуса пищевого продукта авторским правом и интерпретации национального законодательства таким образом, что оно может не исключать защиту авторских прав на такой вкус, Суда Европейского Союза, напротив, с учетом признания отсутствия закрепленного значения и объема по отношению к понятию «произведение», обратился к положениям Бернской конвенции, отметив, что произведение как охраняемый объект интеллектуального права должен быть выражен таким образом, чтобы его можно было идентифицировать с достаточной точностью и объективностью, даже если это выражение не осуществлено в постоянной форме. Вместе с тем, при нынешнем уровне развития науки невозможно добиться с помощью технических средств точной и объективной идентификации вкуса пищевого продукта, которая позволила бы отличить его от вкуса других продуктов того же вида, что не может классифицировать «вкус» как «произведение»⁷⁶. Тем не менее изложенная аргументация Суда Европейского Союза не исключает включение такого объекта в будущем.

URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=256462&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1933129> (дата обращения 12.12.2022).

⁷⁶CJEU. Case Levola Hengelo BV v Smilde Foods BV. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 13 November 2018.

URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=207682&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=80846> (дата обращения 12.12.2022).

В деле RTL Television GmbH x Grupo Pestana S.G.P.S. SA, SALVOR – Sociedade de Investimento Hoteleiro SA относительно размещения без разрешения RTL в гостиничных номерах, принадлежащих Grupo Pestana и Salvor, программ канала RTL Суду Европейского Союза, в частности, был передан запрос толкования статьи 1(3) Директивы Совета 93/83/ЕЕС от 27 сентября 1993 г. о согласовании некоторых правил, касающихся авторского права и прав, связанных с авторским правом, применимых к спутниковому вещанию и ретрансляции по кабелю⁷⁷. Суд установил, что согласно ТРИПС Организации эфирного вещания вправе запрещать следующие действия, совершаемые без их разрешения: запись, воспроизведение записей и ретрансляцию посредством беспроводных средств передач, а также сообщение для всеобщего сведения их телепередач. Если Члены не предоставляют такие права организациям эфирного вещания, они должны предоставить владельцам авторских прав на объекты передач возможность предотвращения вышеуказанных действий в соответствии с положениями Бернской конвенции (1971 г.). Аналогичные отсылки суд отметил в положениях Бернской и Римской конвенций, касательно минимальных прав, организаций эфирного вещания. Принимая во внимание положения Директивы 93/83 о том, что ретрансляция по кабелю программ из других государств-членов является объектом авторского права и, в зависимости от обстоятельств, прав, связанных с авторским правом; поскольку кабельный оператор должен, следовательно, получить разрешение от каждого обладателя прав на каждую часть ретранслируемой программы, а также Директивы 2001/29/ЕС, 2006/115/ЕС Суд Европейского Союза отметил следующее. В соответствии с текущим законодательством ЕС и в соответствии с обязательствами Европейского Союза по международному праву интеллектуальной собственности, в частности по статье 13 Римской

⁷⁷ CJEU. RTL Television GmbH v Grupo Pestana S.G.P.S. SA, SALVOR – Sociedade de Investimento Hoteleiro SA // Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 8 September 2022 URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=265063&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1> (дата обращения 12.12.2022).

конвенции и статье 14(3) Соглашения ТРИПС исключительное право разрешать или запрещать ретрансляцию их передач в эфир, если такая ретрансляция осуществляется по кабелю субъектом, не являющимся вещательной организацией, например, гостиницей явно не соответствуют условиям применения этих положений. Понятие «ретрансляция по кабелю» определяется как одновременная, неизменная и несокращенная ретрансляция по кабельной или микроволновой системе для приема публикой первоначальной передачи от другого источника государства-члена, по проводам или в эфир, в том числе по спутнику, телевизионных или радиопрограмм, предназначенных для приема публикой не распространяется на отсроченные, измененные или неполные ретрансляции или ретрансляции в пределах одного и того же государства-члена, то есть в государстве-члене, из которого исходит первоначальная передача. При этом, даже если национальное законодательство предусматривает исключительное право организаций эфирного вещания разрешать или запрещать передачу по кабелю, Директива 93/83 регулирует только осуществление права на ретрансляцию по кабелю в отношениях между владельцами авторских прав и обладателями смежных прав, с одной стороны, и «кабельных операторов» или «кабельных дистрибьюторов», с другой. Из чего Суд Европейского Союза сделал вывод, что отели, не подпадают под понятие «кабельный оператор» или «кабельный дистрибьютор» в значении Директивы 93/83, а статью 1(3) Директивы Совета 93/83/ЕЕС следует интерпретировать как значение: что оно не предусматривает исключительного права организаций эфирного вещания разрешать или запрещать ретрансляцию по кабелю в значении этого положения; что одновременное, неизменное и несокращенное распространение теле- или радиопрограмм, передаваемых через спутник и предназначенных для приема публикой, если эта ретрансляция осуществляется лицом, не являющимся оператором кабельного телевидения, в значении этой директивы, например, отеля, не является ретрансляцией по

кабелю. В данном контексте суд также установил объем использования исключительных прав в рамках режима смежных прав в Европейском Союзе.

Отметим, что расширительное толкование международных судебных учреждений во многом характеризуется раскрытием содержания лишь отдельных положений международных договоров применительно к конкретным правоотношениям, что, несомненно, не оправдывает их в качестве замены основных субъектов международного права из-за избыточного характера отдельных суждений судов для узких групп правоотношений.

Можно заключить, что механизм расширительного толкования международными судебными учреждениями влияет, по меньшей мере, на объем режимов (институтов) международного права интеллектуальной собственности. Более того, интеллектуальная собственность представляет собой не только систему частных прав, но прямым образом оказывает влияние на рыночное регулирование, особенно после вступления в силу соглашения ТРИПС, учитывающего торговые аспекты прав интеллектуальной собственности⁷⁸. В этой связи государствам, международным организациям и международным судам все чаще приходится учитывать конфликтующие интересы в области защиты прав интеллектуальной собственности, с одной стороны, и, с другой стороны, особенностей, стимулирующих возможности достижения конкретных целей государственной политики. В условиях новых вызовов своеобразная «проактивность» в деятельности международных судов и способность реагировать на изменяющиеся отношения в области интеллектуальной собственности, позволяет говорить об уникальности механизма расширительного (эволютивного) толкования.

Таким образом, к вопросу о правовой сущности в своих решениях и постановлениях международные судебные органы обращаются при рассмотрении различных категорий дел в соответствии с возложенными на

⁷⁸ См.: Thomas Cottier The legal nature of intellectual property rights in public international law // *Kritika: Essays on Intellectual Property* / ed. by H. Ullrich, P. Drahos, G. Ghidini., 2021. P. 224.

них полномочиями. При этом в отдельных случаях международные суды прибегают к использованию толкования положений международных договоров, содержащих нормы о международном праве интеллектуальной собственности, что во многом способствует расширению отдельных правомочий в рассматриваемой сфере. *В рассмотренных судебных решениях суды не прибегают к определению интеллектуальной собственности в контексте международного права как таковой, а рассматривают отдельные вопросы, в рамках, составляющих ее структуру правовых режимов: авторского права, смежных прав, прав промышленной собственности, средств индивидуализации, прав на селекционные достижения и иных.* Их целью не является выяснение надлежащего охвата прав интеллектуальной собственностью, в связи с этим международные суды часто прибегают к буквальному толкованию международных актов. Отдельные решения, в частности, Европейского суда по правам человека, основанные на динамичном толковании ЕКПЧ, представляют собой механизм поэтапного раскрытия гарантий и обязательств, предусмотренных международным правом интеллектуальной собственности. Нельзя недооценивать роль таких решений в связи с их содействием в обновлении международно-правового массива актов, что создает баланс при международном правотворчестве в контексте придания международным судам возможности по формированию или видоизменению новых положений международного права интеллектуальной собственности с ревизией устаревающих концепций в данной сфере.

Глава 2. Правовые позиции международных судебных органов по защите интеллектуальной собственности

2.1. Особенности защиты интеллектуальной собственности в правовых позициях международных судебных учреждений

Международное право выполняет ряд важнейших функций в целях поддержания мира и безопасности, а также защиты прав человека, основными из которых традиционно выделяются регулирующая и охранительная. Именно охранительная функция права в его общем понимании определяется такими категориями как «охрана» прав и «защита» прав⁷⁹.

Подходы в теории права к соотношению «охраны» и «защиты» прав существенно разнятся. Т.Н. Шубина исходит из положения о неюридическом характере термина «охрана прав»⁸⁰. Некоторые исследователи отмечают более широкий характер термина «защиты прав» или вовсе отождествляют его с термином «охрана прав»⁸¹. Рассматривая данный аспект с позиции, что интеллектуальная собственность представлена в виде совокупности общественных отношений, возникающих на ряде оснований (как ее определяет И.А. Блинец), не умаляя значение гражданского права и в определенной степени его первостепенное значение в появлении соответствующей отрасли международного права, следует отметить внутригосударственный аспект данного явления, исследуемый отечественными учеными. Так, Маргашов В.В. отмечает, что «Охрана представляет собой комплекс мер, направленных на предотвращение нарушения прав ... которые осуществляются на постоянной основе ... Защита ..., если произошло нарушение прав ... охрана прав составляет правовой

⁷⁹ См.: Смирнов А.П. Соотношение понятий «Охрана прав» и «Защита прав // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123-125.

⁸⁰ См.: Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1997. 228 с.

⁸¹ См.: Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 219.; См.: Стоякин Г.Н. Понятие «защита гражданских прав» // Проблемы гражданско-правовой ответственности защиты гражданских прав. Свердловск. 1973. С. 30-35.

порядок»⁸². Аналогичное соотношение охраны и защиты прав приводится в ряде международных договоров, в частности ТРИПС. В этой связи можно говорить о защите интеллектуальных прав как о составной части охраны интеллектуальной собственности.

Международное право интеллектуальной собственности хоть и характеризуется комплексом качественной и автономной группы норм, своеобразием собственных правовых источников и особенностей их создания, регулирующих соответствующие отношения, однако не ограничивается лишь декларированием прав для целей дальнейшей гармонизации национальных законодательств различных государств. В рамках данной отрасли осуществляется вместе с тем и выработка мер по созданию международного механизма по их соблюдению, защите. «Защита» в данном ключе представляет собой комплекс мер, направленных на предотвращение нарушения прав, а также следование общим и специальным принципам международного права интеллектуальной собственности.

Под международными механизмами защиты прав интеллектуальной собственности следует понимать созданные в соответствии с международным правом международные организационные структуры (комитеты, комиссии, международные судебные учреждения), функции и полномочия которых направлены полностью или в части на защиту прав интеллектуальной собственности.

Условно по характеру деятельности механизмы защиты могут быть сгруппированы в две основные группы:

1. Судебные, которые могут быть рассмотрены в рамках деятельности по рассмотрению международными судебными учреждениями дел о защите интеллектуальной собственности;

2. Квасисудебные и несудебные, к числу которых можно отнести Комитет по развитию и интеллектуальной собственности, осуществляющий, в

⁸² См.: Маргашов В.В. «Интеллектуальная собственность в гражданском законодательстве РФ: понятие и способы защиты» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1-3. 2023. С. 47-50.

частности, мониторинг, оценку, обсуждение и представление отчетности о выполнении всех принятых рекомендаций, а также координацию деятельности в этой связи с соответствующими органами ВОИС, дифференцированные арбитражные судебные учреждения, рассматривающие международные частные споры по вопросам, связанным с интеллектуальной собственностью и т.п.

При регламентации международного механизма защиты следует, прежде всего, опираться на его контрольную составляющую, поскольку общим звеном по отношению к названным группам являются полномочия по контролю за исполнением международных обязательств, взятые на себя государствами в связи с присоединением к договорам, составляющим правовую базу международного права интеллектуальной собственности.

Несомненно, главенствующая роль в обеспечении защиты прав интеллектуальной собственности отводится международным судебным учреждениям. При вынесении своих постановлений (решений, мнений, заключений и т.п.) международные суды формируют правовые позиции, которые могут служить, с одной стороны, инструментом по соблюдению интеллектуальных прав в рамках контролирующей функции по исполнению государствами взятых на себя обязательств, с другой стороны, функций по вынесению постановлений, которые в дальнейшем могут стать основой для формирования правоприменительной практики.

Итак, правовая позиция международного суда – вывод по разрешаемому делу, а также система аргументации, приведенная в обоснование решения о соответствующем выводе. В этой связи следует согласиться с Д.С. Власовым, который предлагает понимать «под правовой позицией международного суда в широком смысле ... отдельные выводы и положения, отражающие представления суда по определенному вопросу, ... в узком смысле – это выводы и положения, которых последовательно придерживается

международный суд в своих решениях по сходным вопросам»⁸³.

Международные судебные учреждения осуществляют свою деятельность в соответствии с компетенцией, наделенной исходя из положений соответствующего международного акта. Классическая интерпретация полномочий суда отражается в его способности разрешать споры между государствами, а также в ряде случаев выносить консультативные (рекомендательные) решения по спорным вопросам.

С течением времени определенная эволюция международных механизмов защиты предопределила такой новый виток полномочий международных судов как «нормотворчество», отчасти базирующееся на консультативных рекомендательных началах как реакция на нормотворческие решения основных субъектов международного права. Так, например, следует отметить, что Международный суд Организации Объединенных Наций в своих позициях по решениям приводит ссылки на свои ранние решения и заключения, при этом отмечая, что соответствующая практика образует «прецедентное право»⁸⁴.

Судебное нормотворчество не является по своей сути новообразованием. «Первые упоминания о судах, разрешавших межгосударственные споры, встречаются в дошедших до нашего времени источниках, связанных с деятельностью правителей Египта и Вавилона... и в древнеримский период, и в эпоху Средневековья, и в более поздние времена»⁸⁵. Такие суды обладали религиозно-политическим окрасом и представляли собой форму осуществления переговоров или посредничества между спорящими государствами в целях достижения консенсуса, что во многом достигалось соответствующими средствами, не основанными на правовых предписаниях.

⁸³ См.: Власов Д.С. Правовая позиция Международного Суда ООН: понятие, природа и варианты проявления: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006. 222 с.

⁸⁴ Например, решение Международного суда ООН от 17 марта 2016 г. по делу «Предполагаемые нарушения суверенных прав и морских пространств в Карибском море (Никарагуа против Колумбии)».

⁸⁵ См.: Кучин М.В. Эволюция международного судебного нормотворчества // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 5. 2018. С. 28.

В науке при этом отмечаются нормотворческие функции таких судебных учреждений: «в конце XIX века были случаи поручения третейским судам составить обязательный для сторон регламент, установить текст конвенции, долженствующей быть заключенной между сторонами; в этих случаях суд должен был установить новые нормы для применения в будущем, в целом ряде отношений, и эти нормы по соглашению сторон, установленному в компромиссе, становились по их постановлению частью договорного права, существующего между сторонами...»⁸⁶.

Развитие системы международного права и соответствующих позитивных норм определили вектор трансформации защиты в рамках деятельности международных судебных учреждений на базе позитивного, формализованного права: основой формирования и осуществления деятельности международных судебных учреждений в настоящее время являются международные правовые акты, что применительно к тематике настоящего исследования позволило не только использовать новые инструменты защиты прав, но и повысить эффективность защиты в целом.

Каким образом проявляется содержание защиты прав интеллектуальной собственности международными судебными учреждениями? В первую очередь необходимо выделить основные ее элементы:

- 1) субъектами защиты выступают непосредственно международные суды или квазисудебные органы;
- 2) объектами защиты являются права, гарантируемые международными договорами и охватываемые юрисдикцией конкретного субъекта защиты;
- 3) форма защиты прав, предусматривающая, в том числе стадию переговоров, посредничества, добрых услуг и т.п., а также непосредственно судебную стадию;
- 4) сущность защиты права, проявляющаяся в предотвращении нарушения прав или восстановления нарушенных прав и составляющая

⁸⁶ См.: Голубев Н. Н. Международные третейские суды XIX века. Очерки теории и практики. М.: Университетская типография. 1903. С. 92.

существенное значение в контексте правовых позиций международных судебных учреждений.

Сущность защиты права является ключевым параметром для оценки содержания защиты интеллектуальной собственности международными судебными учреждениями исходя из полномочий. Примером могут являться решения международных судов, в позициях по которым прослеживается формирование специальных принципов правового регулирования международного права интеллектуальной собственности, в том числе объектов объединенных в рамках рассматриваемой категории споров, охватывающем объекты интеллектуальной собственности. Данный подход позволит обосновать эволюцию правовых позиций международных судебных учреждений в контексте защиты прав интеллектуальной собственности, исходя из развития (образования) самостоятельных принципов и доктрин международного права интеллектуальной собственности.

В практике Суда Европейского Союза, в частности, можно выделить следующие решения, характеризующие эволюцию содержания защиты, в абсолютном большинстве проявляющиеся в преюдициальном судопроизводстве, в рамках которого суд, мотивируя окончательное решения по делу, реализует правовую позицию, во многом вводит или изменяет существенное правило или принцип того или иного объекта интеллектуальной собственности, расширяя объем и механизм его охраны.

Так, например, в решении по делу X BV v Classic Coach Company vof, Y, Z о сближения законов государств-членов в отношении товарных знаков запрос Верховного суда Нидерландов касался вопроса о толковании статьи 6(2) Директивы 2008/95 как означающую, что в целях установления существования «более раннего права» на товарный знак, считается, что такой владелец вправе запретить использование более позднего товарного знака. Суд ЕС установил, что исходя из прецедентной практики следует, что торговое наименование является правом, подпадающим под действие термина

«интеллектуальная собственность» по смыслу статьи 1(2) Соглашения ТРИПС⁸⁷. Более того, из статьи 2(1) Соглашения ТРИПС следует, что охрана торговых наименований, специально предусмотренная статьей 8 Парижской конвенции, прямо включена в это соглашение. Таким образом, в силу Соглашения ТРИПС члены ВТО обязаны защищать торговые наименования⁸⁸. В этом отношении, что касается формулировки статьи 6(2) Директивы 2008/95, следует отметить, что в дополнение к условиям, касающимся, во-первых, использования такого права в ходе торговли, во-вторых, приоритета такого права, в-третьих, его применимости в конкретной местности и, в-четвертых, признания этого права законами соответствующего государства-члена, то это положение не предусматривает, что для возможности отстаивать такое же право в отношении владельца более позднего знака, третье лицо должно иметь возможность запретить использование этого знака. В отличие от оснований для отказа или недействительности в отношении конфликтов с более ранними правами, изложенными, в частности, в статье 4(4)(b) и (c) Директивы 2008/95, которые предназначены либо для предотвращения регистрации знака, либо для ее отмены статья 6(2) этой директивы предусматривает только ограничение прав, предоставляемых зарегистрированным товарным знаком, как это предусмотрено в статье 5 этой директивы. Кроме того, «более ранние права» по смыслу статьи 6(2) Директивы 2008/95 должны применяться только в определенной местности. В свете соображений, указанных в позиции Суда ЕС, ответом на вопрос является факт, что в целях установления существования «более раннего права» не требуется, чтобы владелец этого права имел возможность запретить использование более позднего знака владельцем этого знака. Отчасти судом было сформулировано расширительное толкование правила о приоритете

⁸⁷ CJEC. X BV v Classic Coach Company vof, Y, Z / Judgment Of The Court (Tenth Chamber) of 2 June 2022 URL:<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=260186&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1> (дата обращения 12.01.2023).

⁸⁸ Anheuser-Busch Inc. v Budějovický Budvar, národní podnik // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 November 2004. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-78981%22%7D> (дата обращения 02.12.2022).

товарного знака, установив, что длительный период добросовестного одновременного использования двух идентичных обозначений, обозначающих идентичные товары, не оказывает и не может оказывать неблагоприятного воздействия на основную функцию товарного знака, заключающуюся в том, чтобы гарантировать потребителям происхождение товара или услуги. Однако в случае, если в будущем возникнет недобросовестность, связанная с использованием этих обозначений, такая ситуация может быть, при необходимости, рассмотрена в свете норм, касающихся недобросовестной конкуренции⁸⁹.

В контексте защиты права интеллектуальной собственности в тесном сочетании с правилами о противодействии недобросовестной конкуренции Определенный интерес представляет собой дело «Magill» в отношении запрета использования независимому издателю Magill информации о программах передач, защищенных авторским правом в соответствии с национальным законодательством Великобритании и Ирландии, в издаваемых журналах телевизионных программ компаний RTE, BBC и ITP⁹⁰. В решении по делу Суд ЕС в действительности прибегает к доктрине обладания необходимой инфраструктуры (Essential Facilities Doctrine), которая предполагает запрет отказа предоставления прав доступа использования труднопроизводимого объекта иным компаниям-конкурентам, в целях установления баланса между правилами конкуренции и необходимостью охраны прав интеллектуальной собственности. Хотя Суд ни разу не обращался к термину «необходимая инфраструктура», из решения очевидно, что отказ на поставки товара может считаться злоупотреблением лишь при условии, что такой товар служит

⁸⁹ CJEC. Budějovický Budvar, národní podnik, v Anheuser-Busch Inc. Judgment of the Court (First Chamber) of 22 September 2011 [URL:https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=109924&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2116507](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=109924&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2116507) (дата обращения 15.01.2023).

⁹⁰ RTE (Magill) (Cases C-241, 242/91P) // European Court Reports. 1995. P. 1-743.

необходимым исходным материалом для производства конечного продукта, а у конкурентов отсутствует возможность получить это сырье иным образом⁹¹.

Это можно увидеть в его решениях, касающихся принципа авторского права в деле «Инфopak Интернэшнл»⁹². Изначально отличающееся законодательство европейских государств отражает их ограниченную гармонизацию на уровне авторского права Европейского Союза, до настоящего момента не предусматривающего кодифицированного акта, включающего в себя положения соответствующих директив при учете статьи 118 Договора о функционировании Европейского Союза, предусматривающей общие положения реализации механизма защиты интеллектуальной собственности в рамках формирования или функционирования внутреннего рынка Европейского Союза. Вместе с тем, не дожидаясь действий Европейского парламента и Совета по решению данной задачи, Суд ЕС предпринял действия по установлению содержания важнейшего принципа – оригинальности применительно к таким объектам авторского права как произведения.

Деятельность Суда ЕС в последовательном точечном характере устранения пробелов отражена и в ряде других дел. В решении по делу Johan Deckmyn and Vrijheidsfonds VZW v Helena Vandersteen and Others отмечен ограниченный характер «принципа» свободы выражения мнения при использовании пародий как случая свободного использования произведения без согласия автора⁹³. Определенные уточнения получил закрепленный принцип исчерпания прав в решении Суда ЕС по делу UsedSoft GmbH v Oracle International Corp в отношении правомочия законного приобретателя

⁹¹ Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза : учебное пособие / К.В. Энтин. М.: Норма : ИНФРА-М, 2015. С. 217-218.

⁹² CJEU. Case Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening. (Fourth Chamber) of 16 July 2009. URL:<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=72482&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5413444>.

⁹³ CJEU. Case Johan Deckmyn and Vrijheidsfonds VZW v Helena Vandersteen and Others. (Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 September 2014. URL:<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Deckmyn%2Band%2BVrijheidsfonds%2BVZW%2Bv%2BHelena%2BVandersteen%2Band%2BOthers%2B&docid=157281&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1>. (дата обращения: 20.01.2023).

программного обеспечения перепродавать его без согласия правообладателя⁹⁴.

В деле Merck Sharp & Dohme and Others уточнялся международный принцип исчерпания прав (параллельного импорта) в части толкования правил о фальсифицированных лекарственных средствах, вступивших в силу в Европейском Союзе в 2019 г.⁹⁵. Суд ЕС установил, что правила о дополнительных элементах безопасности на внешней упаковке, обязательные для всех лекарственных средств, выдаются для обеспечения надлежащей защиты от фальсификации лекарственных средств, попадающих в цепочку поставок, и для защиты пациентов, а также интересов держателей регистрационных удостоверений и производителей. Судебное решение подтверждает при этом, что безопасность пациентов всегда имеет наивысший приоритет. Судебное решение также подтверждает, что параллельный ввоз лекарственных средств является следствием свободного движения товаров на внутреннем рынке и сам по себе не влияет на безопасность пациентов. Это, однако, не дает параллельным импортерам права нарушать права интеллектуальной собственности оригинальных производителей или злоупотреблять своим заслуженным статусом гарантов качества, инноваций и безопасности пациентов.

Развитие принципов международного права интеллектуальной собственности происходит и в других международных судах. Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации рассмотрел спор о соответствии международного права Европейского Союза принципу национального режима, закрепленному в положениях ТРИПС⁹⁶. В 1999 г.

⁹⁴ CJEU. Case UsedSoft GmbH v Oracle International Corp. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 July 2012. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=UsedSoft%2BGmbH%2BV%2BOracle%2BInternational%2BCorp&docid=124564&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1> (дата обращения: 20.01.2023).

⁹⁵ CJEC. Merck Sharp & Dohme BV, Merck Sharp & Dohme Corp., MSD Danmark ApS v Abacus Medicine A/S, and Others // Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 17 November 2022 URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=268023&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2381177#ctx1> (дата обращения: 20.01.2023).

⁹⁶ Краткое резюме по спору по охране товарных знаков и географических указаний для сельскохозяйственной продукции, и продуктов питания // Официальный сайт Всемирной торговой организации. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds290_e.htm (дата обращения: 22.01.2023).

США запросили консультации с ЕС в связи с предполагаемым отсутствием охраны товарных знаков и географических указаний (ГУ) для сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в ЕС. США утверждали, что Регламент ЕС 2081/92 с поправками не обеспечивает национальный режим в отношении географических указаний и не обеспечивает достаточную защиту ранее существовавшим товарным знакам, которые аналогичны или идентичны географическому указанию. США сочли эту ситуацию несовместимой с обязательствами ЕС по Соглашению ТРИПС, включая, помимо прочего, статьи 3, 16, 24, 63 и 65 Соглашения ТРИПС.

После направления дополнительных запросов США и Австралии о дополнительных консультациях в том числе по вопросам охраны товарных знаков и регистрации и охраны географических указаний пищевых продуктов и сельскохозяйственной продукции в ЕС Орган по разрешению споров учредил единую группу на своем заседании 2 октября 2003 г., а 15 марта 2005 г. отчет Группы был разослан членам.

Комиссия согласилась с Соединенными Штатами и Австралией в том, что Регламент ЕС о ГУ не предоставляет национальный режим правообладателям и продуктам других членов ВТО, поскольку: (i) регистрация ГУ из страны, не входящей в Европейский Союз, зависит от правительства принятия этой страной системы охраны ГУ, эквивалентной системе ЕС, и предоставления взаимной охраны ГУ ЕС; и (ii) процедуры Регламента требуют, чтобы заявки и возражения от других членов ВТО рассматривались и передавались правительствами этих членов, и требуют, чтобы эти правительства использовали системы инспекции продукции, как и государства-члены ЕС. Следовательно, иностранные граждане не имеют гарантированного доступа к системе ЕС для своих ГУ, в отличие от граждан ЕС; в противном случае не будет установлено, что суть системы защиты ГУ ЕС, которая требует проверки продукции, не соответствует обязательствам ВТО.

Комиссия согласилась с ЕК в том, что, хотя ее Регламент ГУ позволяет ей регистрировать ГУ, даже если они противоречат предшествующему товарному знаку, Регламент в том виде, в котором он написан, достаточно ограничен, чтобы его можно было квалифицировать как «ограниченное исключение» из прав на товарный знак. Однако Группа экспертов согласилась с Соединенными Штатами и Австралией в том, что Соглашение ТРИПС не допускает безоговорочного сосуществования ГУ с предшествующими товарными знаками.

На заседании ОРС 19 мая 2005 г. Европейские сообщества заявили о своем намерении выполнить рекомендации ОРС и указали, что для этого потребуется разумный период времени. На заседании DSB 21 апреля 2006 г. Европейские сообщества заявили, что они полностью выполнили рекомендации и постановления Органа по разрешению споров, приняв новый регламент, вступивший в силу 31 марта 2006 г. При этом Австралия и Соединенные Штаты не согласились с тем, что Европейские сообщества полностью выполнили рекомендации и постановления DSB и предложил Европейскому сообществу учесть их комментарии и пересмотреть недавно обнародованное постановление.

Наконец, Европейский суд по правам человека, деятельность которого связана с защитой прав, закрепленных в ЕКПЧ, прибегая к эволютивному методу ее толкования, обладает широкой свободой в формировании устоявшихся принципов международного права интеллектуальной собственности⁹⁷. Главной функцией Суда является рассмотрение индивидуальных жалоб, он утвердил свою роль в качестве органа, уполномоченного разъяснять и развивать значение прав, охраняемых

⁹⁷ См.: см.: Ибрагимова Ю.Э., Мехтиев М.Г. Эволютивное толкование норм, регулирующих международные финансовые механизмы в практике международных судебных органов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 127-133.; Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека // Пермский юридический альманах. № 1, 2018. С. 111-118.

Конвенцией⁹⁸. Следовательно, в деятельности Суда имеет место постоянный конфликт между потребностью в обеспечении эффективной реализации прав человека на территории Европы и уважением национальных ценностей и традиций⁹⁹. Более того Европейский суд по правам человека в своих решениях акцентирует внимание не только на «уточнении» позитивного регулирования. «Поле усмотрения» Европейского суда по правам человека также отражается в дополнении материальных принципов, в частности, такого принципа толкования как «субсидиарность» наряду с демократизмом, законностью и пропорциональностью. Так, в решении «О некоторых аспектах законов об использовании языков в процессе обучения в Бельгии» судом отмечено, что «... Государственные органы по-прежнему свободны в выборе мер, которые они считают целесообразными при решении регулируемых Конвенцией вопросов. Контроль Европейского суда касается соответствия этих мер требованиям Конвенции»¹⁰⁰.

Поскольку механизм Европейского суда по правам человека предполагает защиту ряда прав человека, поименованных в ЕКПЧ, существенное внимание отводится принципам защиты прав на интеллектуальную собственность в контексте защиты собственности как общего понятия. Судом предполагается оценка трех основных принципов защиты права собственности:

1) Принцип законности

Принцип законности рассматривается как один из наиболее важных требований-оснований для рассмотрения дел, основанных на нормах статьи 1 Протокола № 1 ЕКПЧ. Его основная характеристика определяет пределы вмешательства государственных органов в пользование чужим имуществом исходя из меры «законности».

⁹⁸ Ireland v. UK, app. № 5310/71 § 154. [URL:http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-57506](http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-57506) (дата обращения: 25.02.2023).

⁹⁹ См.: Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 111-118.

¹⁰⁰ См.: Постановление ЕСПЧ от 23.07.1968 по делу «О некоторых аспектах законов об использовании языков в процессе обучения в Бельгии» (Belgian linguistics case) // СПС «Консультант Плюс».

При этом не менее значимым условием соблюдения названного принципа является обеспечение соблюдения законодательно установленных норм, а также контроль за их соблюдением при условии, что такие положения внутреннего законодательства отвечают признакам доступности, точности и предсказуемости.

2) Принцип законной цели

Рассматриваемый принцип предполагает необходимость преследования законной цели при осуществлении вмешательства, в том числе в пользование чужим имуществом в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 ЕКПЧ.

Следует также отметить о необходимости учета общественного интереса, которые предопределяет такую законную цель, а также основанные на нормах закона пределы бездействия государства, когда его вмешательство в использование чужим имуществом было необходимо, что будет упомянуто ниже.

3. Принцип «справедливого баланса»

Принцип справедливого баланса при вмешательстве в использование чужим имуществом проходит красной линией через рассмотренные ранее принципы законной цели и законности, поскольку как отмечалось выше, вмешательство в использование чужим имуществом должно быть обеспечено как с позиции государства, общества, так и личности.

В этой связи конструкция статьи 1 Протокола № 1 определяет необходимость реализации такого законодательного механизма, который позволил бы определить разумную связь между средствами и целью, преследуемые государством, а также меры, направленные на лишение иного лица его законного имущества. в целом.

Исследование данных принципов защиты применительно к праву интеллектуальной собственности находит свое отражение также и в иных соответствующих судебных разбирательствах по ЕКПЧ¹⁰¹.

¹⁰¹ Fredrik NEIJ and Peter SUNDE KOLMISOPPI against Sweden / Decision of The European Court of Human Rights URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-117513%22%5D%7D>; Case of SIA AKKA/LAA v.

Следует отдельно упомянуть соотношение защиты прав интеллектуальной собственности и права на свободу выражения мнения, гарантируемого статьей 10 ЕКПЧ. В качестве примера можно привести дело *Neij and Sunde Kolmisoppi* против Швеции, решение по которому касалось того факта, что заявители были осуждены, приговорены к лишению свободы и возмещению ущерба за их участие в управлении «Пиратской бухтой», крупнейшим Интернет-сайтом для обмена торрент-файлами (музыка, фильмы, игры и др.), влекущие за собой нарушение авторских прав. Суд прямо признал, что факт распространения такого рода файлов в Интернете или содействия распространению – даже незаконно и с целью получения прибыли – было частью права «распространять и получать информацию» по смыслу статьи 10 ЕКПЧ. Поскольку шведские власти были обязаны защищать право собственности истцов в соответствии с Законом об авторском праве и Конвенцией, Суд посчитал, что для ограничения свободы выражения мнения заявителей были веские причины. Более того, шведские суды выдвинули соответствующие и достаточные основания считать, что деятельность заявителей в рамках коммерческой организации представляла собой преступное деяние, требующее соответствующего наказания. В этом отношении Суд повторил, что заявители были осуждены только за материалы, защищенные авторским правом. В другом деле (*Delphi v Estonia*) в отношении защиты права на свободу выражения мнения в нарушение статьи 10 ЕКПЧ в связи с тем, что компания Дельфи была привлечена к ответственности за комментарии третьих лиц, размещенные на ее новостном интернет-портале, часть из которых, среди прочего, нарушала права интеллектуальной собственности, ЕСПЧ отразил позицию, что комментарии были размещены в ответ на статью, опубликованную компанией-заявителем на своем профессионально управляемом новостном портале, работающем на

Latvia / Decision of The European Court of Human Rights. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-164659%22>}; Case of *Kamoy Radyo Televizyon Yayincilik Ve Organizasyon A.Ş. v. Turkey* / Decision of the European Court of Human Rights. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-192458%22>}).

коммерческой основе. С учетом недостаточности мер, предпринятых компанией-заявителем для незамедлительного удаления после публикации комментариев, представляющих собой разжигание ненависти и призывы к насилию, и обеспечения реальной перспективы авторов таких комментариев к ответственности, а также умеренных санкций, наложенных на компанию-заявителя, ЕСПЧ посчитал, что национальные суды правомерно возложили ответственность на компанию-заявителя с учетом свободы усмотрения, предоставленной государству-ответчику¹⁰².

Как видно из приведенных примеров, вопросы, возникающие в связи с правом на уважение собственности, могут также касаться других статей Конвенции. Заслуживают внимания и другие права, гарантированные Конвенцией, которые могут дополнять существующие права интеллектуальной собственности в международном праве, а также являться ограничительным инструментом, позволяющим очертить границы защиты права интеллектуальной собственности. В частности, помимо статьи 10 ЕКПЧ, на которую ссылаются заявители при использовании защищенного статьей 1 Протокола № 1 ЕКПЧ контента, статья 8 (неприкосновенность частной жизни) может быть охарактеризована как инструмент защиты неимущественных прав правообладателей интеллектуальной собственности. Указанного мнения придерживаются зарубежные исследователи в области права¹⁰³. В этой связи следует привести в пример дело, в котором Суд выдвинул определенные аргументы в поддержку неимущественных прав, основанных на статье 8 в отношении товарных знаков¹⁰⁴. Рассматриваемое дело касалось спора в связи с правом на воспроизведение портрета и имени прадеда заявителей – крупного

¹⁰² Case of Delfi as v. Estonia. URL:[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-155105%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-155105%22]}) (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁰³ См.: Josef Drexl, «Constitutional Protection of Authors» Moral Rights in the European Union – Between Privacy, Property and the Regulation of the Economy», in: K.S. Ziegler (ed.), Human Rights and Private Law: Privacy as Autonomy // Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2007. P. 173-174; Geiger C. «Constitutionalizing» Intellectual Property Law? The Influence of Fundamental Rights on Intellectual Property in the European Union // ИС - International Review of Intellectual Property and Competition Law 37(4). 2006. 268-269.

¹⁰⁴ Решение ЕСПЧ от 05.02.2004 «По вопросу приемлимости жалобы № 66801/01 «Ворсина Ирина Александровна и Вогралик Наталья Александровна против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

заводчика – на товарном знаке пивоварни. Копия портрета была передана заявителями в местный музей, который, в свою очередь, передал ее пивоварне. В иске, возбужденном против пивоварни, заявители просили удалить имя и портрет своего предка из рекламы пива, потому что это нарушало их право на конфиденциальность семейной жизни. Национальные суды во всех инстанциях отклонили жалобы заявителей. В результате заявители обратились в ЕСПЧ, утверждая, что коммерческое использование портрета и имени их предков причинило им страдания, такие как посягательство на их личную и семейную жизнь. Несмотря на тот факт, что Суд счел жалобу неприемлемой, позиция Суда указывает на фактор квазиморальных прав, который в будущем может получить дальнейшее развитие в соответствии с прецедентным правом ЕСПЧ по статье 8 также в отношении авторского права¹⁰⁵.

Развитие принципов и доктрин международного права интеллектуальной собственности в международной судебной практике отражает эволюцию механизмов ее защиты, а также роль и востребованность международной общественности в подобного рода инструментах. К вопросу о значимости судебных доктрин и принципов обращаются также в отечественной правовой науке¹⁰⁶.

Таким образом, можно заключить, что *защита прав интеллектуальной собственности международными судебными учреждениями, рассматриваемая как применяемый ими комплекс мер, направленный на предотвращение нарушения прав государствами и международными организациями, а также следование общим и специальным принципам международного права интеллектуальной собственности, постоянно развивается, что находит отражение в решениях международных судов, способствующих формированию доктрин и принципов международного права интеллектуальной собственности.*

¹⁰⁵ Гейгер К., Изюменко Е. Интеллектуальная собственность в Европейском суде по правам человека // Center for International Intellectual Property Studies Research Paper. № 2018-01. С. 57-58.

¹⁰⁶ См.: Сидоренко А.И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100-115.

2.2. Исполнение постановлений международных судебных учреждений в сфере защиты прав интеллектуальной собственности

Деятельность международных судебных учреждений в настоящее время характеризуется широкими полномочиями в рамках вынесения решений по определенным судебным разбирательствам, что во многом отражается в трансформации их функций. Исполинов А.С. отмечает, что «...помимо традиционной функции разрешения споров, государства делегируют судам право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также ... право устранения пробелов ... в международных договорах»¹⁰⁷. Вместе с тем, несмотря на расширение функционала, по-прежнему актуальной проблемой является исполнимость решений международных судов. «Инертные» или пассивные решения международных судов в сфере международного права интеллектуальной собственности отражают недееспособность инструментария международного судебного контроля, а также не способствуют в этой связи прогрессивному развитию международного права интеллектуальной собственности в целом. В связи с этим обуславливается необходимость исследования исполнимости решений международных судов.

Следует отметить, что учреждая организационную структуру, юрисдикцию и полномочия того или иного международного суда, государства *de jure* связывают себя обязательствами с исполнением его решений, что вполне согласуется с основным принципом международного права – добросовестного выполнения обязательств по международному праву (*paeta sunt servanda*), находящим отражение в универсальном международном документе в соответствии с которым «все Члены Организации Объединённых Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и

¹⁰⁷ Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 4.

преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации»¹⁰⁸. При этом отдельные авторы подразделяют добросовестное выполнение обязательств по международному праву на первый и второй уровни, где первый уровень относят к непосредственно нормам международного права, а второй – к решениям международных судебных учреждений¹⁰⁹. В этой связи Г.И. Тункин отмечал суть принципа *parata sunt servanda* следующим образом: «... в случае несоответствия между нормами внутригосударственного права и нормами международного права (коллизии между ними) государство должно выполнять свои международные обязательства, причем ссылки на внутреннее законодательство не могут освободить его от выполнения этих обязательств»¹¹⁰.

Несомненно, юрисдикция международного суда, подразумевающая пределы его компетенции в рассмотрении спора, зависит от согласия субъектов международного права, признаваемых в качестве государств и международных организаций. По смыслу Устава ООН понятие «компетенция Суда» шире, чем термин «юрисдикция Суда», причем последний востребован только в связи со спорами государств, разрешаемыми Международным судом ООН, а точнее, в связи с установлением подсудности спора, переданного Суду¹¹¹. В данном аспекте традиционным механизмом согласия государств на юрисдикцию суда является положение международного договора о согласии участников такого международного договора на его юрисдикцию или необходимость дополнительного согласия. Так, международный суд ООН определяет необходимость выражения согласия государств (в том числе, имеющего постоянный характер) по всем международно-правовым спорам, касающимся:

¹⁰⁸ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33.

¹⁰⁹ См.: Ginsburg T., McAdams R.H. Adjudicating in Anarchy: An Expressive Theory of International dispute Resolution // William and Mary Law Review, 2004. Vol. 45. № 4. P. 1229-1339, 1235.

¹¹⁰ См.: Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. С. 11.

¹¹¹ См.: Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. Московский журнал международного права. 2018. № 4. С. 6-32.

- 1) истолкования договора;
- 2) иного вопроса по международному праву;
- 3) наличия факта нарушения международного обязательства;
- 4) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства¹¹².

Неоднозначным примером признания юрисдикции суда являлось заявление Соединенных Штатов Америки в деле Никарагуа против Соединенных Штатов Америки.

В последующем Суд ООН признал свою юрисдикцию в части рассматриваемых вопросов и вынес решение, касающееся не только установления фактов, имеющих отношения к спору, но и установлению нормативного содержания ряда международных категорий, таких как «акт агрессии», «коллективная оборона» и т.д., признав за Соединенными Штатами Америки нарушение норм международного права. Однако Уставом Организации Объединенных Наций хоть и предусмотрено добросовестное исполнение государством решения суда по делу, в которой оно является стороной, существует механизм принудительного исполнения путем обращения в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Вместе с тем, Соединенные Штаты Америки не выполняли решение добросовестно, а впоследствии блокировали принятие соответствующего решения о принятии мер для приведения решения в исполнение. Данный прецедент подчеркивает не только существующую возможность злоупотребления отдельными государствами предоставленным им правом вето в собственных интересах, но и несовершенство института исполнения решений международных судебных учреждений.

Применительно к рассматриваемым в настоящем исследовании судебным учреждениям, прежде всего хотелось бы остановиться на сравнительно-правовом анализе решений, постановлений и заключений,

¹¹² Статут Суда Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf> (дата обращения: 09.09.2022).

принятых Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза, исходя из их сопоставимой, схожей в определенных аспектах юрисдикции в сфере международного права интеллектуальной собственностью.

Сходство состоит в том, что Суд Евразийского экономического союза компетентен рассматривать споры, которые возникают при реализации договора о ЕАЭС, а также международных договоров и решений в рамках ЕАЭС по заявлению:

1. Государств-членов ЕАЭС о:

1.1. Соответствии международного договора, а также его отдельных частей Договору о ЕАЭС.

1.2. Соблюдении другим государством – членом Договора о ЕАЭС, международных договоров и решений ЕАЭС.

1.3. Соответствии решения Комиссии ЕАЭС (далее – Комиссия) или его отдельных частей Договору о ЕАЭС, международным договорам и решениям в рамках ЕАЭС.

2. По заявлению хозяйствующего субъекта разрешаются споры по соответствию или оспариванию решений Комиссии или отдельных частей ее решений, которые непосредственно затрагивают права и законные интересы хозяйствующего субъекта в предпринимательской или иной экономической деятельности в рамках ЕАЭС.

Решения Комиссии применяются в государствах-членах непосредственно и могут оказывать воздействие на частных лиц. Однако возможность обжалования таких решений Комиссии не предусмотрена Статутом Суда Евразийского экономического союза физическими лицами, которые не относятся к хозяйственным субъектам в соответствии с Договором, поэтому физические лица, не являющиеся хозяйствующими субъектами в соответствии с Договором, не будут являться участниками отношений,

регулируемых договором о ЕАЭС¹¹³.

Более того, те сферы, которые могут непосредственно затронуть физических лиц, а это трудовая миграция, интеллектуальная собственность, оказание услуг и другие, относятся к согласованной политике Евразийского экономического союза, а, следовательно, в данных областях Комиссия не компетентна принимать решения, в связи с чем данные сферы на сегодняшний день регулируются по большей части национальным законодательством.

Приведенная юрисдикция суда по рассмотрению споров при этом не является исчерпывающей и включает в себя также иные споры, которые предусмотрены Договором о ЕАЭС и другими международными договорами с его участием.

Суд ЕАЭС также осуществляет разъяснения положений по Договору или по международному договору с третьей стороной, то есть обладает консультативной функцией, однако это не мешает государствам-членам производить совместное толкование Договора. Обращение в Суд ЕАЭС с вопросом о разъяснении положений Договора осуществляется уполномоченными органами государства-члена. В России таким органом является Министерство юстиции Российской Федерации¹¹⁴.

На данный момент времени существует мнение, что Суд ЕАЭС обладает ограниченной компетенцией по сравнению с Судом ЕврАзЭС, поскольку ранее, при действии Суда ЕврАзЭС, существовал преюдициальный запрос, который давал возможность судам государств-членов подавать запросы в Суд ЕврАзЭС для разъяснений отдельных положений Договора и других международных договоров, толкование которых обусловлено преюдициальным запросом. Однако именно данные запросы и заменены

¹¹³ См.: Дьяченко Е.Б., Нешатаева Т.Н., Мысливский П.П. Евразийская интеграция: Роль Суда / Под. Ред. Нешатаевой Т.Н. М. Статут, 2015. С. 304

¹¹⁴ Указ Президента РФ от 21.05.2015 № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского экономического союза» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:<http://www.pravo.gov.ru>. 21.05.2015.

консультативным заключением по предложению Верховных судов государств-членов.

Несмотря на это в Российской Федерации осуществлена связка национального и наднационального права в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ¹¹⁵, которое в статье 3 содержит положения о том, что акты, принятые Судом непосредственно учитываются по результатам рассмотрения споров, а акты Комиссии признаются актами, регулируемыми таможенные правоотношения в Российской Федерации. Таким образом, единообразие правовых норм в Российской Федерации осуществляется через коллизионную отсылку к правовым актам Суда ЕАЭС.

Полномочия Суда ЕАЭС также расширились за счёт возможности реализации консультативной функции органами Союза. Первое заключение Суда ЕАЭС на запрос в отношении ставок таможенных пошлин было вынесено в 2016 году, через два года после образования ЕАЭС¹¹⁶.

В срок не позднее, чем 90 дней со дня поступления заявления Суд выносит решение, а по заявлению о разъяснении предоставляет консультативное заключение, однако данный срок может быть продлен. Акты Суда должны быть опубликованы в официальном бюллетене Суда и на официальном интернет-сайте Суда. Комиссия в срок не превышающий 60 дней обязана исполнить решение Суда. При этом стороны в любое время до вынесения решения вправе заключить мировое соглашение.

Апелляционная коллегия Суда рассматривает дела по правилам рассмотрения Коллегией Суда с учетом некоторых особенностей касательно содержания новых требований, сроков и иных формальностей.

¹¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» // «Российская газета». 2016. № 105. 18.05.2016.

¹¹⁶ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 01.11.2016 «О применении ставок таможенных пошлин, предусмотренных для ввоза товаров в пределах установленного объема, при выпуске товаров, в отношении которых была подана предварительная таможенная декларация, осуществляемом после истечения срока действия лицензии на импорт товаров, ввозимых в пределах тарифных квот» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL:<http://www.eaeunion.org/>, 30.11.2016.

Судопроизводство по делам о разьяснении также имеет свою специфику. Необходимо подать заявление о разьяснении с приложением документов и материалов, которые относятся к обозначенному вопросу. Срок для принятия, оставления без движения или отказа в принятии заявления к производству составляет 10 дней. По окончанию рассмотрения заявления о разьяснении суд выносит Постановление.

Система разрешения споров Судом ЕАЭС не является идеальной. Явные проблемные аспекты Суда ЕАЭС не обрели яркие черты ввиду низкой активности деятельности хозяйствующих субъектов и государств-членов¹¹⁷. Применительно к процедуре разрешения споров, в соответствии с Договором о ЕАЭС, решения Суда ЕАЭС обязательны для исполнения Комиссией в 60-дневный срок с даты вступления в силу решения Суда ЕАЭС. В случае неисполнения, государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет, а хозяйствующий субъект – в Суд ЕАЭС, который, в свою очередь, должен обратиться в Высший Евразийский экономический совет. Видится, что для обеспечения нормализованной работы системы исполнения решений Суда ЕАЭС, необходимо возложить обязанности по обеспечению исполнения решений не только на Комиссию в части оспоренных решений, а также действий (бездействий) Комиссии, но и на Суд, поскольку на сегодняшний день, Суд обделен рычагами исполнения решений. Данный метод исполнения решений Комиссией через суд существенно затягивает процесс. Проблемой на сегодняшний день выступает и исполнение решений третьих сторон (другой международной организацией или союзом, или страной, не являющейся членом ЕАЭС). Данная проблема исходит из понимания достаточной компетенции воздействия Комиссии на исполнения решения Суда ЕАЭС третьей стороной. Касается положений, связанных с неисполнением решения государством-членом, также нуждается в

¹¹⁷ См.: Курмангалиев Р. А. Проблемы разрешения споров Судом Евразийского экономического союза // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. С. 152

переориентировании и поиске надлежащих рычагов давления, поскольку делегирование принятия мер по исполнению решения Суда ЕАЭС Высшему Евразийскому экономическому совету является в большей степени политическим путем решения проблемы, особенно, с учетом того, что вопросы интеллектуальной собственности относятся Договором о ЕАЭС к согласованной политике государств-членов¹¹⁸. К вопросу о расширении полномочий Евразийской экономической комиссии в сфере интеллектуальной собственности обращалась в своих исследования Т.Ю. Ларина¹¹⁹.

В связи с вышеизложенным компетенция Суда ЕАЭС по вопросам, связанным с разрешением споров в области интеллектуальной собственности, ограничена субъектным составом заявителей – государствами-членами. О фактической исполнимости решений ЕАЭС о защите интеллектуальной собственности в настоящее время пока говорить преждевременно. Вместе с тем, следует отметить, что после рассмотрения дела «Российская Федерация против Республики Беларусь» в отношении ареста таможенными органами Республики Беларусь техники российских предпринимателей, находящейся под таможенной процедурой таможенного транзита, собственники техники отмечали, что Республика Беларусь, признанная частично исполнившей Договор ЕАЭС, не выплатила компенсацию за изъятую технику¹²⁰. Однако во многом компетенция Суда направлена на недопущение повторения нарушений со стороны ответственных субъектов в будущем, не предусматривает рассмотрение требований имущественного характера, что во многом говорит об ограниченной роли соответствующих решений Суда ЕАЭС.

¹¹⁸ См.: Шулятьев И.А. Понятие и значение целей в праве Евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2015. № 88. С. 26-28.

¹¹⁹ См.: Ларина Т.Ю. Создание системы разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности как тенденция развития интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 6. С. 56-61.

¹²⁰ Беларусь так и не выплатила компенсацию за изъятые в 2014 г. телевизоры. «Новый Калининград». 15.11.2019. [URL:https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/23585101-ktpb-belorussiya-tak-i-ne-vyplatilakompensatsiyu-za-izyatye-v-2014-godu-televizory.html](https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/23585101-ktpb-belorussiya-tak-i-ne-vyplatilakompensatsiyu-za-izyatye-v-2014-godu-televizory.html) (дата обращения: 20.12.2022).

Определенные пересечения с множественными изъятиями в международном производстве находят своё отражение в Суде ЕС. В первую очередь, структурными элементами Суда ЕС являются непосредственно Суд, Трибунал, а также специализированные трибуналы. Касаясь его юрисдикции следует отметить, что в соответствии со статьей 19 Договора о Европейском Союзе Суд ЕС выносит решения по толкованию и применению права ЕС, в том числе в преюдициальном порядке по запросу национальных юрисдикционных органов, по искам, физических и юридических лиц, институтов ЕС и государств-членов, а также в иных предусмотренных случаях. Так, в частности, в соответствии со статьей 263 Договора о функционировании ЕС Суд ЕС вправе принимать решения по искам физических и юридических лиц в отношении органов и учреждений ЕС по оспариванию соответствующих актов.

Трибунал (Общий суд; Суд общей юрисдикции) рассматривает дела по первой инстанции или по факту пересмотра решений специализированных трибуналов, апелляционным органом, по отношению к которому выступает Суд ЕС – высшее судебное звено. Общая компетенция продиктована в Договоре о функционировании ЕС и включает в себя, в частности, контроль за правомерностью актов императивного характера Европейского парламента, Комиссии, Совета, Европейского Совета, направленных на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. Иски по данным правовым вопросам правомочны подавать от лица государства-члена, Европейского парламента, Совета или Комиссии. При этом, любое физическое или юридическое лицо может подавать иски против актов, адресатом которых оно является либо которые непосредственно и индивидуально его затрагивают, а также против регламентарных актов, которые непосредственно его затрагивают и не требуют исполнительных мер. К остальным случаям полномочий Общего суда относятся иски государств-членов и институтов ЕС в отношении бездействия иных институтов ЕС, об истребования убытков, причиненных ЕС им самим

или в отношении сотрудников, о спорах между сотрудниками, на основании арбитражных оговорок (в том числе, реализованных в рамках частноправовых договоров). Суд ЕС, помимо апелляционного органа, выступает также судом, уполномоченным рассматривать исключительные вопросы о толковании положений права Союза по делам в преюдициальном порядке, в случаях, если это затрагивает единство и внутреннюю согласованность права ЕС, а также иски привилегированных и полупривилегированных истцов (за исключением физических и юридических лиц) об оспаривании актов Европейского Союза, что отражается в признании того или иного акта ЕС недействительным полностью или в части, что в полной мере впоследствии может способствовать реализации прав частных лиц на обжалование действий, совершенных по ничтожному (недействительному) акту. На данном этапе можно констатировать, что несмотря на совпадающий в целом субъектный состав заявителей, Суд ЕС обладает в том числе правом рассматривать дела и принимать решения по факту обжалования действий и решений органов ЕС. Буквальное толкование положений статуса Суда ЕАЭС позволяет говорить о рекомендательном характере заключений по делам о разъяснении, в то время как решения Суда ЕС обладают исключительно обязательной силой.

В дополнение следует подчеркнуть, что «к различительным чертам судебных актов как Суда ЕАЭС, так и Суда ЕС относится то, что решение Суда ЕАЭС как обязательное, ограничивается кругом тех субъектов, в отношении которых оно выносится, в то время как решение Суда ЕС становится обязательным к исполнению не только для тех субъектов прав, которые инициировали рассмотрение дела, но и для всех государств и других субъектов по сходным событиям в будущем. Говоря другими словами, Суд ЕС отличается от Суда ЕАЭС тем, что его решения оказались не только правоприменительным актом, но и нормотворческим документом. Это означает, что Суд ЕС, являясь международно-региональным органом европейско-континентального движения, даже в результате произошедшего

Брексита продолжает руководствоваться предписанием англо-саксонского права в формате прецедентного права. Суд ЕАЭС, созданный государствами, имеющими отношение к европейско-континентальной перспективе, исходит из того, что судебные решения не являются нормотворческими документами – являются документами, актами, претворяющими в жизнь нормы национального и интеграционного права»¹²¹.

Отличительной чертой Суда ЕС является также механизм принуждения субъектов к исполнению его решений. Во-первых, в соответствии со статьей 260, в случае если Суд ЕС отмечает, что заинтересованное государство-член не исполнило его решение, то он может возложить на него обязанность по уплате фиксированной суммы или пени (аналогичное право контроля и возложение финансовой ответственности находится в полномочиях Комиссии), во-вторых, возложить денежное обязательство на иные лица, нежели государства, выступающие в качестве исполнительного документа, принудительное исполнение по которому в соответствии со статьей 299 регулируется нормами национального законодательства, что во многом обеспечивается силой национальных судов и иных уполномоченных органов.

Механизмы исполнения решений Суда ЕС во многом являются действенными, однако с учетом роли суда как института, формирующего правовые принципы, «уточняющего существенные положения права ЕС, отдельные решения сталкиваются с многочисленной критикой ввиду выхода Суда ЕС за рамки усмотрения, что может приводить к многочисленным конфликтным ситуациям, в частности в рамках определения конституционной идентичности государств. В одном из первых своих решений Суд ЕС постановил, что положения права ЕС, производные от Договора, в силу их специальной и оригинальной природы не могут быть отменены нормами

¹²¹ См.: Сарсембаев М.А. Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 3 (57). С. 95-101.

национального права»¹²². Впоследствии он конкретизировал данное положение применительно к конституционным нормам, указав, что вступление положений права ЕС в противоречие с закрепленными в конституции основными правами или с национальной конституционной структурой не может влиять на действительность предпринятых ЕС мер либо на их осуществление в государстве-члене Сообщества¹²³. Однако в дальнейшем наблюдается определенное смягчение подходов Суда ЕС, обусловленное в первую очередь закреплением в праве ЕС принципа уважения национальной идентичности государств-членов Союза¹²⁴.

Таким образом, необходим поиск баланса исполнимости решений международных судов с учетом сравнения механизмов в рамках ЕС и ЕАЭС, что гарантировало бы, с одной стороны, действенность судопроизводства, отвечало потребностям его субъектов, с другой, не предписывало международному суду неограниченные полномочия. В данном контексте уместно говорить о системе сдержек и противовесов на международном уровне, что является одной из первостепенных задач при разрешении международных споров, связанных с интеллектуальной собственностью¹²⁵.

Еще одним примером является Орган по разрешению споров. В действительности, несмотря на то, что правовые системы большинства международных судебных учреждений предусматривают ряд досудебных процедур, ОРС ВТО, представленный третейскими группами и апелляционным органом (Appellate body – постоянно действующий судебный орган, призванный рассматривать апелляции на доклады третейских групп

¹²² CJEC. Case 6/64. Flaminio Costa v. ENEL. Judgment of 15 June 1964. URL:<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006> (дата обращения: 20.12.2022).

¹²³ CJEC. Case 11/70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel. Judgment of 17 December 1970. Para. 3. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011> (дата обращения: 20.12.2022).

¹²⁴ Васильева Т.А. «Суд ЕС и конституционные суды государств - членов европейского Союза в поисках конституционной идентичности» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Вып. 14. № 2. С. 32-58.

¹²⁵ См. подробнее: Воробьев Н.С. К вопросу о роли Суда Европейского союза при толковании договоров, связанных с защитой прав на интеллектуальную собственность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 114-149.

(комиссий)), является в большей степени направленным на урегулирование споров несудебными инструментами (переговоры, посредничество, консультации, в том числе, со специальной группой экспертов).

Сама юрисдикция квазисудебного органа по разрешению споров включает в себя механизм, предполагающий разрешение споров только между государствами-членами, несмотря на тот факт, что именно частные лица являются основными субъектами международных торговых операций, являющихся в большей мере основанием споров. Уполномоченным субъектом спора, согласно статье 3 Договоренностей, вправе выступать лишь член, который является стороной соответствующего торгового соглашения с ограниченным кругом участников. Применяемые договоренности как основа деятельности механизма Органа по разрешению споров применяется с оговорками по отношению к любому соглашению или обязательству, вытекающему из такого соглашения, заключенному в рамках Всемирной торговой организации.

В отношении исполнимости решений следует отметить, что в течении 60 дней после распространения доклада третейской группы среди членов доклад принимается на заседании Органа по разрешению споров в случаях, если сторона-ответчик не уведомит стороны о подаче апелляции в постоянно действующий орган или если Орган по разрешению споров путем консенсуса решит не принимать доклад, или в случаях самостоятельного урегулирования спора между сторонами.

Решения третейской группы и Апелляционного органа являются в соответствии с Договоренностью фактически рекомендациями, поскольку при обнаружении несоответствия охваченному соглашению, в том числе ТРИПС, группы и орган рекомендуют стороне-ответчику привести меру в соответствие, при этом, как указывалось ранее, не расширяя или сужая объем

«Медиативный» характер механизма разрешения споров применяется также к исполнению решений. Так, при неисполнении решения стороной в

течение разумного периода времени, такая сторона обязано в случае запроса начать процедуру консультаций в целях установления удовлетворительной компенсации, устанавливаемой между сторонами спора. В случае, если удовлетворительная компенсация не будет согласована, Орган по разрешению споров вправе дать разрешение на приостановление применения к члену, которого это касается, уступок или других обязательств по охваченным соглашениям, в объеме, эквивалентном невыполнению ответчиком решения третейской группы или апелляционного органа.

Следует отметить контрольную функцию Органа по разрешению споров по исполнению решений хоть и рекомендательного характера, однако предоставляющим иным сторонам спора регламентированные инструменты, направленные на содействие к их исполнению. Такие инструменты применительно к отношениям, возникающим в международном праве интеллектуальной собственности приобретают особенную важность, поскольку основаны на ключевых принципах национального режима и режима наибольшего благоприятствования, нарушение которых предполагает возможность приостановления их соблюдения, а не осуществление фактического принуждения.

Наибольший интерес представляет собой исполнение решений Европейского суда по правам человека, деятельность которого регулируется Европейской конвенцией по правам человека и протоколами к ней, являющимися ее неотделимой частью (далее – ЕКПЧ).

ЕКПЧ является первым международным договором Совета Европы по реализации защиты прав человека, в том числе прав на интеллектуальную собственность, совмещающая в себе механизм реализации, отличный от международных договоров декларативного характера.

С 1953 по 1994 гг. контрольный механизм Европейской конвенции был двухступенчатым и предусматривал рассмотрение дел сначала Европейской комиссией по правам человека, а затем, при условии соблюдения

определенных требований и процедур, – Европейским Судом по правам человека¹²⁶.

В настоящее время механизм реализации защиты прав и свобод, определенных в ЕКПЧ, предполагает учреждение постоянного суда – Европейского суда по правам человека, который вправе рассматривать не только межгосударственные дела, не пользующиеся особой популярностью при судопроизводстве в Европейском суде по правам человека, но и индивидуальные жалобы. Статья 34 предполагает возможность подачи соответствующей жалобы от физического лица или любой неправительственной организации, а также частной группой лиц на нарушение государством-членом ЕКПЧ их прав, признанных в ЕКПЧ.

Первостепенная важность ЕКПЧ состоит в механизме реализации исполнимости решений – «Конвенция сегодня является одним из краеугольных камней европейской политической системы именно благодаря тому, что исполнение каждого решения, в котором какое-либо из государств было признано нарушителем Конвенции, находится под пристальным и систематическим наблюдением других государств в лице их представителей в Комитете министров»¹²⁷.

Данный тезис обусловлен обязательствами, взятыми на себя государствами-членами ЕКПЧ, по исполнению окончательных мотивированных постановлений Европейского суда по правам человека по любому делу, в котором они выступают сторонами, а также обязательного надзора за реализацией данного исполнения со стороны Комитета министров в соответствии со статьями 45-46 ЕКПЧ. Необходимость вынесения мотивированного постановления обуславливает формирование правовых позиций. По справедливому замечанию И.С. Метловой, «Природа решений

¹²⁶ Практика Европейского Суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации : учебное пособие. Ч. 1. Европейская система защиты прав человека / Е.Е. Амплеева, В.В. Фирсов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 14.

¹²⁷ См: Сильченко И.О. Исполнение решений Европейского Суда // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №3 (40). С. 163-166.

Европейского Суда по правам человека триедина...правовые позиции носят нормативный характер... в решениях дается толкование ЕКПЧ... решения носят правоприменительный характер... применяя и толкуя Конвенцию в рамках конкретного дела, Европейский Суд создает нормативные установки в виде своих правовых позиций. Именно это обстоятельство дает основание считать решения Европейского Суда по правам человека источниками права - судебными прецедентными, а не актами толкования или применения». Правовые позиции Европейского Суда по правам человека не могут выступать источником права, поскольку они являются составной частью того или иного решения - источника права»¹²⁸. Выделение правовых позиций из решений Суда повлечет за собой потерю последними прецедентного характера¹²⁹. В данном контексте можно говорить о «прецедентном» характере правовой позиции суда как неразрывно связанной с соответствующим решением Европейского суда по правам человека.

Классификация решений во многом может осуществляться по критерию «мягкого» и «жесткого» прецедента, что отмечается в трудах отечественных авторов. При этом «жесткие» предполагают внесение изменений во внутригосударственное регулирование нарушившей стороны, в то время как «мягкие» ограничиваются выплатой компенсации.

Следует дополнительно отметить также компетенцию Европейского суда по правам человека на вынесение консультативных заключений по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Европейской конвенции по правам человека.

Надзор, осуществляемый Комитетом министров во исполнение решений Европейского суда по правам человека, включает контрольные интервалы, а также соответствующее предложение заинтересованному государству-члену информировать его о мерах, которые такое государство приняло или

¹²⁸ См.: Метлова И. С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

¹²⁹ Там же. С. 10.

намеревается принять вследствие решения суда, принимая во внимание его обязательство соблюдать положения о выплате справедливой компенсации.

В рамках надзора Комитет министров осуществляет:

1. Контроль за выплатой справедливой компенсации, а также процентов за просрочку платежа.

2. Контроль за выполнением индивидуальных мер для восстановления нарушенных прав потерпевшей стороны.

3. Контроль за выполнением общих мер, предполагающий предотвращение новых нарушений, аналогичных тем или выявленным, или пресекающий продолжающиеся нарушения¹³⁰.

Несмотря на реализацию мер системы контроля за исполнением решений Европейского суда по правам человека, отмечается тенденция к применению концепции «ограниченной силы решений международных судов»¹³¹. Так, ряд конституционных судов государств заявили о проблеме сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, что привело к возникновению феномена блокирования внутригосударственного консенсуса, выполняющего достаточную фактическую основу для признания за национальными государствами права на опровержение решений ЕСПЧ, создающих риски для отмены конституционного строя в стране и основ конституционного строя¹³².

Известный юрист международного права Ф.Ф. Мартенс вовсе выражал сомнение касательно обязательной юрисдикции международных судов по отношению к государствам. Так, упоминая деятельность Постоянной палаты третейского суда, он отмечал: «Нет сомнения, что достигнуть учреждения

¹³⁰ Правила Комитета министров по надзору за исполнением судебных решений и условий мирового соглашения // Официальный сайт Совета Европы URL:https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016806dd2a5 (дата обращения 25.12.2022).

¹³¹ Данный инструмент ограничения решений международных судов впервые в современном праве был использован национальным судом Соединенных Штатов Америки в деле *States Citizens Living in Nicaragua v. Reagan*, фактически препятствующий исполнению отдельных положений Международного суда ООН. *Committee of United States Citizens Living in Nicar. v. Reagan*, 859 F.2d 929 (D.C. Cir. 1988).

¹³² См., подробнее: Калинин И.В., Червонюк В.И. Пределы имплементации решений ЕСПЧ и феномен диффузии европейского (международного) права // Вестник экономической безопасности. 2017. №3. С. 26-33.

постоянного обязательного суда над государствами едва ли возможно»¹³³. Вместе с тем, также отмечалось, что исполнимость решения международного суда должно согласовываться с «предварительным торжественным обязательством добросовестно и безусловно подчиниться его решениям и их исполнять»¹³⁴.

Характеризуя роль международных решений и постановлений международных судов стоит, прежде всего, сказать о последовательной тенденции к расширению юрисдикции международных судов, что отражается на характеристике объема их решений. Важным стоит считать факт перехода международных судов к международно-правовым нормам или внутригосударственному праву в целях восстановления нарушенных прав.

Вместе с тем, отмечается, что позиции в решениях международных судов могут также быть направлены на изменение действующего законодательства, при этом охвачены таким решением могут быть не только сами спорящие государства, но и иные государства, соотносимые с решением, как с превентивной мерой для воздержания от дальнейших потенциальных нарушений прав.

Следует отдельно отметить риски выхода международных судов за рамки своей юрисдикции в случаях когда соответствующие решения могут оказывать непосредственное влияние на государства не только не являющиеся стороной спора, но и не участвующие в соответствующем договоре, что предопределяет юрисдикцию над таким государством.

¹³³ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. М., 2014. С. 192.

¹³⁴ Там же. С. 108.

Глава 3. Проблемы совершенствования международного права интеллектуальной собственности в свете правовых позиций международных судебных учреждений

3.1. Необходимость кодификации международного права интеллектуальной собственности с учетом правовых позиций международных судов

Процесс кодификации является общей проблемой в международном праве. Ряд его отраслей уже прошли данный путь развития, среди которых особенно следует выделить международное морское право, право международных договоров и международное гуманитарное право. Учитывая этот пробел роль международных судебных учреждений проявляется особенно остро, в связи с чем ВОИС и международные суды можно охарактеризовать как «вдохновителей» кодификации международного права интеллектуальной собственности.

Отрасль международного права интеллектуальной собственности характеризуется «... качественным своеобразием и обособленностью (автономностью) норм; обособленностью источников этих норм и способов их создания; большим объемом нормативного материала, регулирующего данный вид правоотношений»¹³⁵. Однако совокупность норм международного права интеллектуальной собственности не является в полной мере систематизированной, что во многом препятствует развитию данной отрасли. Возрастающее количество решений международных судов, а также правовых позиций по толкованию положений международно-правовых актов в сфере интеллектуальной собственности, направленных на расширение объема предмета правового регулирования отражает необходимость в последовательном развитии данной отрасли права. Особенно актуальным данный тезис становится в условиях процессов международной интеграции

¹³⁵ Минков А.М. Там же. С. 41.

экономик и обществ.

Современный мир переживает существенную трансформацию общественных отношений. Процессы периода конца XX начала XXI вв. можно с уверенностью охарактеризовать как смену парадигмы экономической, политической, культурной, социальной и правовой унификации и интеграции. В 2015 году государствами-членами Организации Объединенных Наций была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая содержит ряд целей, достижение которых позволит добиться улучшения жизни и будущего во всем мире. Одной из целей названа необходимость партнерства в интересах устойчивого развития, осуществляемая через механизмы расширения как регионального, так и международного сотрудничества в различных областях науки, техники и инноваций, что во многом претворяет идеи глобализации в повседневное мироустройство.

По справедливому замечанию М.Н. Марченко, глобализация – это системная, многоаспектная и разноуровневая интеграция различных существующих в мире государственно-правовых, экономико-финансовых и общественно-политических институтов, идей, принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений¹³⁶. Несомненно, движение глобализации требует ответа об отдельных аспектах данного процесса. Речь идет, прежде всего, о таком способе повышения эффективности международно-правового регулирования в эпоху глобализации как кодификация. Применительно к внутригосударственному праву под кодификацией понимается деятельность по упорядоченному (структурированному) изложению разрозненных нормативных правовых актов, их официальное объединение, предполагающее качественную переработку содержания¹³⁷. Под кодификацией в международном праве

¹³⁶ См.: Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. / М.Н. Марченко. - М.: Проспект, 2009. С. 12-13.

¹³⁷ См., напр.: Абрамова А.И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 27 - 38.

понимают систематизацию норм, содержащихся в международных договорах, а также обычных норм международного права для устранения пробелов и противоречий, возникающих в связи с развитием общественных отношений.

Именно кодификация оказывает не только воздействие на становление системности законодательных норм различных государств, но и способствует становлению единообразия в международном публичном праве, образованию и видоизменению отраслей и институтов международного публичного права, а именно, права международных договоров, международного экономического права, международного гуманитарного права, международного права интеллектуальной собственности и других.

Однако, по утверждению Л. Оппенгейма, кодификация не всегда является своевременной и может даже стать препятствием на пути так называемого «органического роста права» ... кодифицированное право не в состоянии с легкостью приспособливаться к индивидуальным особенностям отдельных случаев, что подпадают под его действие ..., внося ясность относительно спорных вопросов права, кодификация в тоже время создает новые «контроверзы»¹³⁸.

Конечно, кодификация в понимании свода ряда международных договоров, объединенных единой целью, содержание положений которых находятся в единстве и согласованности имеет право на свое существование.

В науке международного права выделяют официальную и неофициальную кодификацию¹³⁹.

Неофициальная кодификация в международном праве во многом является предтечей официальной кодификации. Принципы УНИДРУА, нормы Инкотермс, многие иные договоры, конвенции, пакты, разработка которых проводилась авторами международного права (международными неправительственными организациями, видными научными деятелями –

¹³⁸ Оппенгейм Л. Международное право; Пер. с англ. – М.:Иностр.лит. 1984. – Т. 1: Мир, полутом 1. – С.78-79.

¹³⁹ См.: Остроухов Н.В., Ромашев Ю.С. О кодификации международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 3. С. 217-224.

специалистами в области международного публичного и частного права, иные негосударственные нормы кодификации) составляют определенный базис, структурную единицу потребностей, который в дальнейшем может быть инкорпорирован в единый кодифицированный акт – международный договор – постоянными субъектами международного права.

Применительно к международному праву интеллектуальной собственности существенную роль в неофициальной кодификации играет Комитет по развитию и интеллектуальной собственности, который призван:

- обеспечить подготовку план обеспечения деятельности в целях реализации принятых 45 рекомендаций Повестки дня в области развития;

- проводить мониторинг, оценку, представление отчетности, а также иные действия, направленные и имеющие целью выполнение 45 рекомендаций Повестки дня в области развития, а также осуществления координации деятельности с органами ВОИС в соответствующей сфере;

- обеспечивать реализацию обсуждений по вопросам развития интеллектуальной собственности и ее развития, а также любым иным вопросам, представляемых в этой связи Генеральной Ассамблеей ООН.

Программа рекомендаций в области развития в частности содержит положения о том, что ВОИС должна стремиться к гибкости в международных соглашениях при осуществлении нормотворчества, содействовать в нормотворческой деятельности, включая возможность подготовки руководства, которое могло бы помочь в идентификации объектов интеллектуальной собственности, проводить неофициальные консультации. Отдельно подчеркивается необходимость согласованности нормотворчества в сфере международного права интеллектуальной собственности целям, содержащимся в Декларации о целях развития Организации Объединенных Наций в новом тысячелетии.

Официальная кодификация, напротив, осуществляется основными субъектами международного права с целью упорядочить «однопорядковые»

международно-правовые нормы с возможностью заменить устаревающие положения более современными. Данный аспект в части признаков кодификации рассматривается в трудах отечественных исследователей¹⁴⁰.

Несмотря на достаточно продолжительную историю существования международных норм, связанных с правом интеллектуальной собственности, вопросы о формировании самостоятельной отрасли в области защиты и реализации прав интеллектуальной собственности в системе международного права не являлись до недавнего времени предметом острых обсуждений в публикациях юристов-международников, которые рассматривали международное право интеллектуальной собственности как подотрасль или институт международного экономического права.

Отметим, что группы договоров в сфере международного права интеллектуальной собственности, администрируемые ВОИС, являются «базисом», отсылочные нормы к которому отмечаются в подавляющем большинстве иных, в том числе, региональных международных соглашениях, а также в правовых позициях международных судебных учреждений. Договоры ВОИС можно охарактеризовать как имеющие «правочеловеческий» характер, направленные прежде всего на установление международной системы охраны прав интеллектуальной собственности частных лиц. Так, к числу основных задач Консультативного комитета по вопросам политики ВОИС относится «демистификация» интеллектуальной собственности в интересах широкой публики, доведение до всех информации о значении для человечества интеллектуальной собственности и прав интеллектуальной собственности.

С заключением ТРИПС отмечается потребность государств-членов в острой необходимости рассмотрения международного правового регулирования интеллектуальной собственности с позиции международной торговли (торговых аспектов). Тем самым, международное правовое

¹⁴⁰ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М.: Гос.изд-во юрид.лит-ры. 1962. 575 с.

регулирование интеллектуальной собственности, закрепляя за собой новые принципы, приобретает торгово-экономический характер. Так, по мнению Лелетиной А.В. «... в рамках ВТО создана особая система охраны интеллектуальной собственности, ставящая своей целью обеспечение охраны интеллектуальной собственности в ходе осуществления международных торговоэкономических отношений и создание условий для того, чтобы меры и процедуры, направленные на соблюдение прав интеллектуальной собственности, не становились барьерами для этих отношений¹⁴¹.

С учетом задач кодификации примерный перечень элементов интеллектуальной собственности, который может представлять ее структуру, в настоящее время может быть представлен на основе всего массива международных договоров, предметом которых выступает защита прав интеллектуальной собственности, в том числе направленных на регулирование непосредственно сферы международного права интеллектуальной собственности, а также отдельных региональных международных договоров. К их числу можно отнести, исходя из буквального прочтения международных договоров, права, относящиеся к:

- 1) литературным, художественным и научным произведениям;
- 2) исполнениям;
- 3) изготовлению и распространению фонограмм;
- 4) вещание организаций эфирного или кабельного вещания;
- 5) программам для электронно-вычислительных машин и компиляции данных;
- 6) товарным знакам, знакам обслуживания;
- 7) патентам на изобретения;
- 8) промышленным образцам;
- 9) топологиям интегральных микросхем;

¹⁴¹ См.: Лелетина А.В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в рамках всемирной торговой организации и обязательства Российской Федерации в связи с участием в Евразийском экономическом союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 30 с.

- 10) географическим указаниям;
- 11) сортам растений;
- 12) закрытой информации;

Отметим, что представленный перечень не является исчерпывающим и представляет собой объединенный набор правомочий в отношении определенных объектов интеллектуальной собственности, а также конкретных ограничений и изъятий, образуемых ее содержанием в широком смысле. В узком смысле интеллектуальная собственность ограничивается конкретными взятыми на себя обязательствами государствами при ратификации определенного международного договора, охватывающего в целом или в части перечень указанных прав, тем самым ограничивая сферу обязанностей государств по охране всех перечисленных объектов интеллектуальной собственности, но не препятствуя расширению такого перечня. Как правило, государства стремятся предоставлять охрану объектов, предписанных международными договорами в рамках ВОИС, что также подтверждается многочисленными отсылочными нормами в различных региональных международных договорах в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность, «то есть налицо стремление государств к ... гармонизации национального законодательства интеллектуальной собственности»¹⁴². Более того, следует отметить, что по справедливому замечанию А.И. Абдуллина применительно к направлению гармонизации и унификации права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе данный процесс в большей мере затрагивает «новые» объекты творческой деятельности¹⁴³.

Сходная ситуация складывается в процессе защиты прав интеллектуальной собственности международными судами, являющимися

¹⁴² См.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Международные договоры в сфере интеллектуальной собственности (актуальный обзор международных соглашений) : учебное пособие – сборник международных договоров – М.: Статут. 2017. С. 19.

¹⁴³ См. подробнее: Абдуллин А.И. Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 64 с.

обеспечительным механизмом выполнения совокупности обязательств по охране прав на интеллектуальную собственность, взятых на себя государствами. Вместе с тем, часть международных судов, апеллирующих к восприятию интеллектуальной собственности как «имуществу» берут на себя инициативу расширительного толкования существующего традиционного перечня объектов, составляющих предмет интеллектуальной собственности.

Так, ЕСПЧ в решении по делу *Raeffgen GmbH v. Germany*¹⁴⁴ при формировании правовой позиции отметил, что при определении того, является ли отказ компании-заявителя в праве на использование зарегистрированных для нее доменных имен вмешательством в ее «собственность», напомнил, что понятие «собственности», упомянутое в статье 1 Протокола № 1 ЕКПЧ имеет автономное значение, которое не ограничивается владением физическими товарами и не зависит от формальной классификации во внутреннем законодательстве. Некоторые другие права и интересы, составляющие активы, также могут рассматриваться как «права собственности»¹⁴⁵. В случае с нематериальными активами Суд принял во внимание, в частности, привело ли рассматриваемое юридическое положение к возникновению финансовых прав и интересов и, таким образом, имело ли экономическую ценность, ссылаясь на судебную практику суда по делам *Anheuser-Busch Inc.*, а также *Tre Traktörer Aktiebolag* против Швеции. В данном контексте Суд рассмотрел интеллектуальную собственность, такую как товарные знаки и авторские права или лицензии на использование собственности определенным образом, например, лицензии на продажу алкогольных напитков или права на рыбную ловлю в качестве имущества.

Применительно к рассматриваемому делу приказы, требующие от компании-заявителя подать заявку на аннулирование доменов, служили для целей предотвращения дальнейшего нарушения этой компанией прав на

¹⁴⁴ *Raeffgen GmbH v. Germany* // URL:<https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=002-2549&filename=002-2549.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁴⁵ Мингазова И.В. Право собственности в международном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 295 с.

товарные знаки третьих лиц или других прав в соответствии с Законом о товарных знаках и/или Гражданским кодексом. Имущество, о котором идет речь в настоящем деле, не было материальными физическими активами, как в делах *Handyside*, *AGOSI* и *Air Canada*, а являлось исключительным правом на использование доменных имен. Владелец домена несет ответственность за проверку того, не нарушаются ли регистрация и использование домена прав других лиц, конфликта существования доменов и их использования с ранее существовавшими правами интеллектуальной собственности третьих лиц. Таким образом, приведенные выше соображения применимы *a fortiori* (с большим основанием) к настоящему делу. Несмотря на неприемлемость подданной в ЕСПЧ жалобы, исходя из указанных положений мотивации решения можно отметить расширение ЕСПЧ охвата защиты прав на интеллектуальную собственность в связи с утверждением о рассмотрении прав на доменные имена в качестве интеллектуальной собственности.

С учетом позитивной динамики более быстрого реагирования международных судов на меняющиеся общественные отношения (в сравнении с основными субъектами международного права), краеугольным камнем на пути к установлению передовой системы сдержек и противовесов в международном нормотворческом процессе является риск такого толкования международных договоров, при котором международные суды проявляя чрезмерную активность могут создать ситуацию бесконтрольного и не согласованного толкования. Судьи национальных судов стран, входящих в Совет Европы, и судьи Европейского Суда по правам человека, применяя схожие по содержанию и словесному выражению нормы к схожим ситуациям, подчас приходят к противоположным решениям, что даёт основания для упреков международных судей в излишнем судейском активизме и в том, что они стремятся подменить национального законодателя¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Соболева А. Судьи Европейского суда по правам человека как «мужи-диалектики»: риторический контекст и платоновская теория именованья // *Международное правосудие*. № 3 (23). 2017. С. 34-46.

Заслуживает внимания формирование международными судами правовых позиций относительно специальных принципов в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности, в частности и в целом, для всей сферы защиты международного права интеллектуальной собственности с опорой на договоры, устанавливающие основные принципы защиты прав интеллектуальной собственности, а также договоры по различным объектам интеллектуальной собственности.

Не умаляя роль ВОИС, конференции Всемирной торговой организации, различных комитетов, рабочих групп и советов в рамках региональных экономических организаций в создании механизмов по разработке международных договоров в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность с целью установления большей согласованности национальных систем охраны и защиты, а как следствие – глобальной системе охраны объектов прав на интеллектуальную собственность, повестка дня не исчерпывается такими проблемами как установление содержания интеллектуальной собственности.

Во многом идея создания глобальной системы охраны предусматривает, в том числе, решение вопросов, связанных с исключением территориального аспекта охраны прав интеллектуальной собственности, установлением взаимосвязей между интеллектуальной собственностью, торговым правом и конкуренцией, передачей технологий, содержащих объекты интеллектуальной собственности, пересмотром и установлением унифицированных изъятий и ограничений для пользователей прав правообладателей, поддержкой развивающихся государств в данной сфере и многие другие.

Указанные мероприятия отражают существующую потребность в подготовке общих руководств, пусть и неправового характера, разъясняющих специфику таких политических средств регулирования, как односторонние акты и неформальные соглашения.

Конечно, вопрос неограниченного расширения международными судами содержания интеллектуальной собственности носит ключевой характер. В эпоху цифровизации актуальным вопросом является появление роботизированных систем, гаджетов, искусственного интеллекта, что во многом предполагает не только расширение объектного состава, в том числе по результатам деятельности таких «систем», но и признания за ними статуса субъекта права интеллектуальной собственности, требующего соответствующего признания и защиты в международном праве. На данный аспект обращает внимание С.А. Сеницын¹⁴⁷. Зарубежные исследователи также обращаются к вопросам трансформации системы субъектов и объектов права интеллектуальной собственности¹⁴⁸. Следует уточнить, что перечень объектов, подпадающих под защиту в рамках международного права интеллектуальной собственности не может быть неограничен, а значит, административное и судебное толкование допустимо лишь в границах определения признаков соответствующих объектов для целей их охраны. Из этого следует ограниченная компетенция международных судов в наполнении юридическим содержанием термина «интеллектуальная собственность». В связи с этим отрасли национального и международного права интеллектуальной собственности развиваются параллельно, дополняя друг друга.

Мнение, которое разделяет множество ученых в сфере международного права, об отсутствии международного признания судебного прецедента в качестве источника международного права во многом трансформируется, однако органы международного правосудия продолжают практику осуществления отсылок на предшествующие правовые позиции и решения для целей мотивирования нового решения. Подобная деятельность

¹⁴⁷ См.: Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: научно-практическое пособие / С.А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа. 2020. 212 с.

¹⁴⁸ См.: Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 1079-1126.

международных судов не может рассматриваться как нормотворческая, однако ее влияние на процесс нормообразования с молчаливого согласия государств трудно переоценить¹⁴⁹.

Механизмы международной судебной защиты в сфере права интеллектуальной собственности продолжают свое развитие, однако первостепенной задачей субъектов международного права в данной связи может являться «ограничение» соответствующих функций международных судов с соблюдением баланса исполнимости решений. Ограничение функционального элемента международных судов в данном контексте может быть выражено установлением конкретных рамок судебного усмотрения, что, во-первых, поможет приблизиться к решению задачи исполнимости решений международных судов, поскольку у субъектов международного права будет отсутствовать возможность апеллировать к чрезмерному судебному активизму, во-вторых, очертит границы нормообразования в сфере международного права интеллектуальной собственности.

Кодификация международного права интеллектуальной собственности должна быть направлена на упорядочивание и гармонизацию действующих международно-правовых норм, приведения элементов и механизмов защиты интеллектуальной собственности с учетом перестройки современных общественных отношений, мнений государств и международных организаций, международных неправительственных организаций, а также правовых позиций международных судов, отражающих фактические потребности в процессе реализации права на защиту.

Учитывая динамику формирования отношений в сфере права интеллектуальной собственности, особое значение приобретает закрепление единых или схожих характеристик интеллектуальной собственности в нормах законодательства отдельных стран и международных договорах, а также в международной и национальной судебной практике, в которой дается

¹⁴⁹ См.: Кривенкова М.В. Роль судебного прецедента в процессе развития права международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 33 - 36.

толкование различных аспектов этого понятия применительно к конкретным правоотношениям.

Таким образом, автором предлагается формирование общих унифицированных характеристик для всех типов международных договоров в отношении спорного понятия интеллектуальной собственности, в частности, таких как нематериальный характер прав на объекты интеллектуальной собственности, их экономическая эффективность и/или следование научно-техническому прогрессу, учет абсолютных прав автора на объекты интеллектуальной собственности на основе международных актов в сфере интеллектуальной собственности с наибольшим количеством государств-членов, что может позволить исключить не единообразное применение различных норм для смежных правоотношений в том числе и в рамках международного судопроизводства. К числу таких договоров предлагается относить международные договоры об основах охраны прав на интеллектуальную собственность, администрируемые ВОИС, насчитывающей 193 государства-члена.

3.2. Перспективы прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности

Необходимо учитывать неразрывную связь кодификации с таким явлением международного права как его «прогрессивное развитие», которое традиционно употребляется в смысле подготовки проектов международных актов по тем вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств¹⁵⁰.

Несомненно, право интеллектуальной собственности как самостоятельная отрасль международного права сегодня находится на стадии своего развития. До настоящего времени существуют не только

¹⁵⁰ Резолюция 94 (I) Генеральной Ассамблеи ООН «О прогрессивном развитии международного права и его кодификация» (Принята 11.12.1946 на 55-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 14.

терминологические пробелы, препятствующие глобальному регулированию данной сферы общественных отношений, но и соответствующие конкретные коллизии, решение которых во многом реализуется международными судебными учреждениями.

Первоочередными правовыми пробелами можно назвать постоянно расширяющийся объем международно-правовой охраны права интеллектуальной собственности, что прослеживается в решениях и позициях международных судебных учреждений.

Однако устранить существующие пробелы в целях установления гармонизированного и систематизированного массива правовых актов в сфере международного права интеллектуальной собственности не означает факта «перелома устоявшегося консерватизма» по причине более быстрого развития общественных отношений.

На повестке дня стоят также вопросы обеспечения надлежащего международно-правового регулирования в связи с внедрением информационных технологий, развитием процессов цифровизации. Интеграция новых технологий в общественное пространство требует не только пересмотра правового регулирования в рамках национального законодательства отдельных государств, но и последовательного закрепления соответствующих прав, обязанностей и ограничений на международном уровне.

Среди актуальных проблем в части необходимости международно-правового регулирования интеллектуальной собственности следует выделить следующие:

1. Воспроизведение и распространение результатов интеллектуальной деятельности посредством сети «Интернет», что создает риски ненадлежащей защиты прав интеллектуальной собственности внутригосударственным правом. На правовые аспекты данной проблемы обращает внимание А.А. Ефремов, отмечая неопределенность границ цифрового суверенитета

государств с позиции международного информационного права¹⁵¹. М.А. Федотов отмечает также проблему применения правовых норм к юридическим фактам, возникающим в глобальной сети¹⁵².

2. Неопределенность состава объектов и правообладателей в международном праве интеллектуальной собственности в связи с потенциальной разработкой искусственного интеллекта, способного мыслить и осознавать свои действия. Как отмечают российские исследователи, использование искусственного интеллектуал обуславливает необходимость решения вопросов, связанных с его функционированием, правосубъектностью, ответственности за его деятельность, а также информационной безопасностью¹⁵³. С одной стороны, государства не пришли к единой позиции о том, что искусственный интеллект может быть признан в качестве правообладателя. Вместе с тем, зарубежные исследователи, указывая на то, что искусственный интеллект способен автономно генерировать результаты без постоянного контроля, дополнительного программирования разработчиком (пользователем), высказывают предложение о необходимости переосмыслить понятия «творчество», «автор» и распространить их на машинный интеллект¹⁵⁴. Американские исследователи предлагают опираться на доктрину «работа по найму» (work-for-hire), которая воспринята и интегрирована отечественным законодателем в институте служебного произведения. Аналогичным образом предлагается распространить данный режим на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, закрепив за надлежащим субъектом соответствующие права и

¹⁵¹ См.: Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 37 с.

¹⁵² См.: Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3. С. 164-182.

¹⁵³ См.: Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др. / под общ. Ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : НОРМА : ИНФРА. М. 2022. 244 с.

¹⁵⁴ См.: Сесицкий Е.П. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 11. С. 49-55.

установив ответственность¹⁵⁵. С другой стороны, признавая за искусственным интеллектом статус запатентованного изобретения или иного результата интеллектуальной деятельности, отсутствует ясность в квалификации результатов деятельности такого искусственного интеллекта, а также нарушения последним прав интеллектуальной собственности иных правообладателей в том числе трансграничных.

3. Развитие блокчейн (blockchain) технологий, что приводит к трансформации общемировых потребностей в сфере интеллектуальной собственности. Так, например, система уникальных токенов (non-fungible token), позволяет не только закреплять в криптографической системе подтверждение права на владение цифровым активом искусства, но и закрепить права собственности на новые интеллектуальные цифровые активы. По общему правилу предусмотрено, что для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. Данный подход вытекает из требований международных договоров Российской Федерации. Так, в п. 2 ст. 5 Бернской конвенции специально предусматривается, что пользование авторскими правами и их осуществление не должны быть «связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей». При этом формально допустимое отсутствие необходимости регистрировать свои авторские права (за исключением прав на программы ЭВМ и базы данных) может служить препятствием для их дальнейшей защиты¹⁵⁶. В целях решения данной задачи в Российской Федерации в настоящее время функционирует национальный проект IPChain, представляющий собой реестр данных о правообладателях, объектах интеллектуальной собственности на основе децентрализованной системы блокчейн, с зафиксированной информацией о различных объектах

¹⁵⁵ См.: Denicola R.C. Ex Machina: Copyright Protection for Computer Generated Works // Rutgers University Law Review. 2016. Vol. 69. P. 251, 271; Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author // Stanford Technology Law Review. 2012. Vol. 5. P. 1-28.

¹⁵⁶ См.: Воробьев Н.С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 137-146.

интеллектуальной собственности, правах и сделках с ними. Более того, децентрализованная сеть IPChain и сеть репозитариев позволяют хранить и вводить в оборот объекты разной природы, в том числе созданные с помощью искусственного интеллекта¹⁵⁷.

4. Появление общественных отношений, связанных с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве, что также требует соответствующей правовой регламентации с целью обеспечения юридических гарантий прав человека¹⁵⁸.

5. Возрастание роли судебного активизма по принятию решений, оказывающих влияние на толкование международных договоров в сфере международного права интеллектуальной собственности. В отдельных случаях правовые позиции международных судебных учреждений направлены на расширение объема положений соответствующих международных договоров, что является объективным «маркером» для совершенствования международно-правового регулирования в данной области.

Данные и многие другие вопросы во многом зависят от степени развития внутригосударственного законодательства, стратегий и политик в области применения и защиты права интеллектуальной собственности, проведения межгосударственного обмена технологиями и правовым опытом реализации, осуществления национальных международных встреч по вопросам гармонизации законодательства, гибкости правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Отдельная задача в сфере прогрессивного развития судопроизводства по делам о защите в сфере международного права интеллектуальной собственности состоит в выработке адекватного механизма исполнимости

¹⁵⁷ Как работает сеть IPChain // Официальный сайт IPChain URL:<https://ipchain.ru/how-ipchain-works> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁵⁸ См.: Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. М.: Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М. 2020. 176 с.

решений международных судебных учреждений, что будет способствовать обеспечению всей системы охраны соответствующих прав правообладателей при реализации такого механизма принуждения государств и международных организаций к исполнению решений, который сочетал бы в себе баланс не только частных, но и публичных интересов в международном правопорядке. Бесспорно, одним из существенных факторов на пути к определению такого баланса следует отметить условие о способности государства осуществлять самостоятельную политику в соответствии со своими национальными интересами и приоритетами¹⁵⁹.

Одним из актуальных вопросов на пути прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности является обеспечение возможности конкурентного развития государств в условиях политического, экономического и санкционного давления. Заслуживает внимание реализация инструмента «блокирования» использования и распоряжения результатами интеллектуальной собственности в государстве путем не предоставления соответствующих прав иным лицам, не владеющим патентом, на которое оказывается такое давление, что прямо противоречит одной из важнейших задач международного права интеллектуальной собственности – развитие научно-технического прогресса, инноваций и сотрудничества государств в данной сфере.

Несомненно, препятствование использованию инструментов защиты интеллектуальной собственности в международных отношениях в политических целях может осуществляться с использованием института принудительного лицензирования, известного в международном правопорядке и законодательстве множества государств. Вместе с тем, реализация института принудительного лицензирования вызывает ряд сложностей и формальностей, связанных со сроками получения принудительной лицензии, технических средств защиты результатов

¹⁵⁹ См.: Поветкина Н.А. Национальная безопасность Российской Федерации: финансово-правовые условия обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 8 (36). С. 12-21.

интеллектуальной собственности, неоднозначность отдельных норм о праве выдачи такой лицензии и др. Так, например, в соответствии с 27 статьей ТРИПС патентуемые объекты, а также основанные на патенте права реализуются вне зависимости от того ввозятся ли запатентованные продукты или производятся на месте. Так, например, во избежание двусмысленности в отношении толкования норм национального права о выдаче принудительных лицензий в связи с неиспользованием или недостаточным использованием патента, во внутригосударственном праве вводятся статьи с указанием на то, что ввоз запатентованной продукции из-за границы является достаточным для того, чтобы считать патент используемым, и равнозначен производству запатентованной продукции внутри страны¹⁶⁰.

Другим, более радикальным способом реакции на недружественные действия государств, использующих инструменты защиты интеллектуальной собственности в целях политического давления, является прекращение или приостановление государством действия ряда международных договоров. Данная мера защиты прав и интересов государства, граждан и предпринимателей в контексте противодействия давлению недружественных государств на Российскую Федерацию указывается М.В. Глигич-Золотаревой и Д.С. Оверчуком в качестве одной из наиболее приемлемых для достижения целей государственной политики в области интеллектуальной собственности¹⁶¹. Однако данный способ во многом также препятствует развитию потенциала коммерческих отношений с иностранными правообладателями в будущем, что негативным образом может сказываться не только на сотрудничестве государств в данной сфере, но и на уровне научно-технического прогресса в ближайшей перспективе. Вместе с тем, проектируемое правовое положение государств, когда деятельность в рамках заключенного ими международного договора направлена против государства

¹⁶⁰ См.: Малыгина А.Н. Институт принудительного лицензирования в патентном праве РФ // «Журнал Суда по интеллектуальным правам». 2021. № 1 (31). С. 23-32.

¹⁶¹ См.: Глигич-Золотарева М.В., Оверчук М.В. Развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности в современных условиях // Федерализм. 2022. Т. 27. № 4. С. 168-185.

или части соответствующих государств во многом противоречит исходным целям, преследуемым государствами при заключении такого международного договора, что во многом представляет выход из международного договора или приостановление его действия соразмерным ответом на злоупотребление государствами своими правами на международной арене.

Иной формой обеспечения стабильности и конкурентоспособности экономики, а также технологической независимости, по мнению авторов, является необходимость изменения федерального законодательства об интеллектуальной собственности, внедрения в государственное регулирование новых цифровых технологий¹⁶². Нельзя не согласиться с данной позицией по следующим основаниям. Во-первых, международное право поощряет вклад государств в обеспечение большей правовой защиты прав, чем это гарантируется международными договорами, во-вторых, данные аспекты не противоречат целям и принципам международных договоров в сфере международного права интеллектуальной собственности.

В свете вышеизложенного, при рассмотрении вопросов о перспективах прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности, возникает ряд специфических вопросов в части комплекса мер, необходимых к реализации при совершенствовании действующего международно-правового регулирования с целью соблюдения баланса частных и публичных интересов, и установления практической значимости прогрессивного развития для данной отрасли права.

В первую очередь следует отметить, что уже сейчас необходимо задумываться о путях дальнейшего совершенствования международно-правового массива актов в сфере международного права интеллектуальной собственности, поскольку, подобно внутригосударственному праву, любая отрасль права по мере своего развития и совершенствования должна систематически пополняться новыми международными актами, а не

¹⁶² Там же. С. 184.

полагаться на судебное нормотворчество. Развивающаяся система анализируемой отрасли представляет собой не только правовую базу действующих актов на момент их заключения, но и на текущий момент, что не в полной мере может отвечать запросам настоящего времени.

В этой связи необходимо осуществлять кодификацию действующих международно-правовых актов, их объединение, консолидацию и укрупнение таким образом, чтобы они составляли единый блок регулирования соответствующих отношений. Применительно к договорам, администрируемым ВОИС, отправным пунктом может стать неофициальная кодификация существующих режимов международного права интеллектуальной собственности в монолитный, структурированный акт, исключающий внутренние противоречия и рассогласованность. Задача прогрессивного развития в этой связи будет заключаться в последовательной работе над совершенствованием внутреннего содержания отдельных положений с целью соответствия такого акта «духу времени».

Вместе с тем, практическая значимость совершенствования международно-правового регулирования интеллектуальной собственности позволит не только решить обусловленные «устаревающим фактором» пробелы и коллизии, но и способствовать дальнейшему развитию правотворчества в данной сфере, обеспечить гибкость международно-правового регулирования, предоставить новые возможности для согласованной политики государств, передачи технологий, обмена опытом, создаст предпосылки для большего взаимодействия государств, иных субъектов международного права, а также повысить роль и значимость международных судебных учреждений в обеспечении возложенных на них функций.

Результатом кодификации и прогрессивного развития может стать единый международный договор о международном праве интеллектуальной собственности, закрепляющие дефиниции, принципы, основные права, а

также отдельные аспекты сотрудничества государств в сфере интеллектуальной собственности по аналогии с кодификацией вопросов о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, закрепленных в Будапештской конвенции¹⁶³.

¹⁶³ Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data
URL:<https://rm.coe.int/1680078c46> (дата обращения: 07.02.2023).

Заключение

По итогам проведенного диссертационного исследования на основе анализа источников международного права, судебной практики Международного суда ООН, Суда Евразийского экономического союза, Суда Европейского Союза, Европейского суда по правам человека, а также доктринальных исследований можно сделать следующие выводы.

Основная особенность статуса интеллектуальной собственности в международном праве как общего термина, используемого для обозначения множества прав на творения разума, характеризуется постоянным расширением объема ее предмета в рамках существующих правовых режимов. Именно по этой причине отсутствует четкое определение интеллектуальной собственности в международно-правовых актах путем перечисления отдельных категорий прав. Совокупность прав, образующих содержание интеллектуальной собственности можно условно разделить на общепринятые права на объекты интеллектуальной деятельности (относящиеся к литературным, научным, исполнительской деятельности, изобретениям, промышленным образцам, средствам индивидуализации и др.), а также формируемые судебной практикой права посредством использования расширительного толкования. В проведенном исследовании автором приводится личное операционное определение интеллектуальной собственности в международном праве.

Ключевой задачей при реализации функционирования международного права интеллектуальной собственности является развитие согласованной и приемлемой системы норм, направленных на осуществление и защиту творческой деятельности, стимулирующей развитие инноваций и технологий, что предполагает сотрудничество мирового сообщества в этой области. Вследствие возрастающей роли нематериальных активов в международном производстве, таких как технологии, образцы и бренды, о чем свидетельствует

Доклад ВОИС об интеллектуальной собственности¹⁶⁴, автором отмечается торгово-экономическая направленность международного права интеллектуальной собственности. Данная позиция подтверждает определение интеллектуальной собственности как инструмента глобальной экономической деятельности.

В этой связи практика международных судебных учреждений приобретает особенное значение в контексте защиты прав в рамках международных экономических отношений, а также развитию доктрин и принципов, связанных с интеллектуальной собственностью. Международные суды, формулирующие правовые позиции по защите интеллектуальной собственности в своих решениях остаются гарантами исполнения обязательств, взятых на себя субъектами международного права. Отдельным критерием признания существенного вклада международных судебных учреждений в развитие права интеллектуальной собственности является склонность к выбору телеологического метода толкования, что в свою очередь предопределяет новаторский, прогрессивный подход, способствующий, с одной стороны, отходу от судебного самоограничения, а, с другой, пересмотру или уточнению отдельных положений международного права интеллектуальной собственности в соответствии с потребностями времени.

Данные предпосылки свидетельствуют о необходимости совершенствования регулирования отрасли международного права интеллектуальной собственности, решения образовавшихся правовых пробелов и коллизий, а также формирования правовых положений, направленных на решение будущих задач, связанных с появлением новых прав, способов и объектов, в которых могут быть выражены результаты интеллектуальной собственности, что во многом обеспечивается инструментами систематизации.

¹⁶⁴ Доклад 2017 г. о положении в области интеллектуальной собственности в мире - «Нематериальный капитал в серьезных цепочках создания собственности». URL: <https://tind.wipo.int/record/36315> (дата обращения: 25.02.2023).

В целях кодификации, гармонизации и прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности автором в рамках исследования предложено придерживаться унифицированных признаков интеллектуальной собственности в международно-правовых договорах. Среди них могут быть выделены: нематериальный и абсолютный характер прав на объекты интеллектуальной собственности, их экономическая эффективность и охраноспособность, следование научно-техническому прогрессу, что может позволить исключить не единообразное применение различных норм для смежных правоотношений, в том числе, и в рамках международного судопроизводства.

Расширение массива международных договоров и судебной практики в сфере международного права интеллектуальной собственности, вызывает также необходимость гармонизации национальных правовых систем. С целью предотвращения неконтролируемого разрастания объектов интеллектуальной собственности разработано приведенное выше авторское определение интеллектуальной собственности.

Анализ международной судебной практики по делам в сфере интеллектуальной собственности позволил выявить в правовых позициях международных судебных учреждений тенденцию к распространению защиты прав интеллектуальной собственности на новые объекты в рамках существующих правовых режимов международного права интеллектуальной собственности, что влияет на эволюцию национального законодательства в данной сфере, является мерой по недопущению повторения соответствующих нарушений со стороны ответственных субъектов в будущем. Совокупность решений международных судов в этой связи может в дальнейшем стать основой для формирования правоприменительной практики, кодификации и прогрессивного развития международного права интеллектуальной собственности. Это позволит, по мнению автора, упорядочить и национальные правовые режимы интеллектуальной собственности.

Подводя итоги, следует отметить, что предпринятый анализ эволюции правовых позиций международных судов в области международно-правовой защиты интеллектуальной собственности в определенной степени может стать научной основой для проведения дальнейших научных исследований, а также разработки практических рекомендаций для развития международного права интеллектуальной собственности в части масштабирования содержательного компонента международно-правового регулирования интеллектуальной собственности в рамках Евразийского экономического союза с целью дальнейшего внедрения положительного опыта в национальное правовое регулирование.

Список использованных источников и научной литературы

Международные договоры и другие нормативно-правовые акты

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // «Бюллетень международных договоров». 2003. № 9.

2. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности (Принята 26.06.2000) // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g> (дата обращения: 01.02.2020).

3. Всеобщая декларация прав человека (Принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

4. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ/GATT) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524-2538.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL:<http://www.eurasiancommission.org/> (Дата обращения: 05.06.2020).

6. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза (Подписан в г. Москве 03.02.2020) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL:<http://www.eaeunion.org/> (Дата обращения: 03.02.2020).

7. Договор о функционировании Европейского Союза [рус., англ.] (Вместе со «Списком, предусмотренным в статье 38...», «Заморскими странами и территориями, к которым применяются положения части четвертой Договора...») (Подписан в г. Риме 25.03.1957) (с изм. и доп. от 13.12.2007) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения 01.07.2021).

8. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (ДРС/DSU) [рус., англ.] (Вместе с «Соглашениями...»,

«Специальными или дополнительными правилами...», «Процедурой работы», «Консультативными группами экспертов») (Подписана в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2850-2873.

9. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // «Закон». 1999. № 7.

10. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (2007/С 306/01) // Official Journal of the European Union 2007. № 306. 17.12.2007. P. 1.

11. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Заключена в г. Риме 26.10.1961) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7. С. 3-20.

12. Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению ...» от 01.04.1992) // Публикация ВОИС. 1992. № 260(R).

13. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

14. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 7-33.

15. Гагская конвенция о мирном решении международных столкновений (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 776-788.

16. Правила Комитета министров по надзору за исполнением судебных

решений и условий мирового соглашения // Официальный сайт Совета Европы. [URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016806dd2a5](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016806dd2a5) (дата обращения 25.12.2022).

17. Резолюция 94 (I) Генеральной Ассамблеи ООН «О прогрессивном развитии международного права и его кодификация» (Принята 11.12.1946 на 55-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК. 1996. С. 14.

18. Статут Суда Организации Объединенных Наций // [URL: https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf](https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf) (дата обращения: 09.09.2020).

19. Указ Президента РФ от 21.05.2015 № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского экономического союза» // Официальный интернет-портал правовой информации [URL:http://www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 21.05.2015).

Акты международных судебных органов

20. Anheuser-Busch Inc. v Budějovický Budvar, národní podnik // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 November 2004. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-78981%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-78981%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

21. Case of Anheuser-Busch Inc. v. Portugal // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-78981%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-78981%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

22. Case of Kamoy Radyo Televizyon Yayincilik ve Organizasyon A.Ş. v. Turkey // Decision of the European Court of Human Rights. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-192458%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-192458%22%5D%7D)

23. Case of Sia AKKA/LAA v. Latvia // Decision of The European Court

of Human Rights. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-164659%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-164659%22%5D%7D)

24. CJEC. Budějovický Budvar, Národní Podnik, v Anheuser-Busch Inc // Judgment of the Court (First Chamber) of 22 September 2011. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=109924&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2116507](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=109924&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=2116507) (дата обращения 15.01.2023)

25. CJEC. Case 11/70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel // Judgment of 17 Decem. 1970. Para. 3. [URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011) (дата обращения: 20.12.2022).

26. CJEC. Case 6/64. Flaminio Costa v. ENEL // Judgment of 15 June 1964. [URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006) (дата обращения: 20.12.2022).

27. CJEC. Merck Sharp & Dohme BV, Merck Sharp & Dohme Corp., MSD Danmark ApS v Abacus Medicine A/S, and Others // Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 17 November 2022. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=268023&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2381177#ctx1](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=268023&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2381177#ctx1) (дата обращения: 20.01.2023).

28. CJEC. X BV v Classic Coach Company vof, Y, Z // Judgment of the Court (Tenth Chamber) of 2 June 2022. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=260186&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=260186&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1) (дата обращения 12.01.2023).

29. CJEU. Case C-175/21 Harman International Industries Inc. v AB S.A. // Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 17 November 2022. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Article%2B1%2Bof%2BDirective%2B2004%252F48%252FEC&docid=268029&pageIndex=0&doclang=](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Article%2B1%2Bof%2BDirective%2B2004%252F48%252FEC&docid=268029&pageIndex=0&doclang=)

[EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2366314#ctx1](#) (дата обращения 12.12.2022).

30. Case of Delfi as v. Estonia. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-155105%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-155105%22%5D%7D) (дата обращения 12.12.2022).

31. CJEU. Case C-433/20 Austro-Mechana Gesellschaft zur Wahrnehmung mechanisch-musikalischer Urheberrechte Gesellschaft mbH v Strato AG. Judgment of the Court (Second Chamber) of 24 March 2022. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=256462&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1933129](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=256462&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1933129) (дата обращения 12.12.2022).

32. CJEU. Case Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening. (Fourth Chamber) of 16 July 2009. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=72482&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5413444](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=72482&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5413444) (дата обращения: 20.01.2023).

33. CJEU. Case Johan Deckmyn and Vrijheidsfonds VZW v Helena Vandersteen and Others // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 September 2014. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Deckmyn%2Band%2BVrijheidsfonds%2BVZW%2Bv%2BHelena%2BVandersteen%2Band%2BOthers%2B&docid=157281&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=Deckmyn%2Band%2BVrijheidsfonds%2BVZW%2Bv%2BHelena%2BVandersteen%2Band%2BOthers%2B&docid=157281&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1) (дата обращения: 20.01.2023).

34. CJEU. Case Levola Hengelo BV v Smilde Foods BV. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 13 November 2018. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=207682&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=80846](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=207682&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=80846) (дата обращения 12.12.2022).

35. CJEU. Case UsedSoft GmbH v Oracle International Corp // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 July 2012. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=UsedSoft%2BGmbH%2](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=UsedSoft%2BGmbH%2)

[Bv%2BOracle%2BInternational%2BCorp&docid=124564&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1](https://www.oracle.com/international/corp/docid=124564&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1936881#ctx1) (дата обращения: 20.01.2023).

36. CJEU. RTL Television GmbH v Grupo Pestana S.G.P.S. SA, SALVOR // Sociedade de Investimento Hoteleiro SA. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 8 September 2022. [URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=265063&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=intellectual%2Bproperty&docid=265063&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=2372433#ctx1) (дата обращения 12.12.2022).

37. Des Fours Walderode v. The Czech Republic // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-92969%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-92969%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

38. Fisheries Subsidies. Ministerial Decision of 13 December 2017. 18 December 2017. № WT/MIN (17)/64WT/L/1031. [URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/64.pdf&Open=True](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/64.pdf&Open=True) (дата обращения: 24.11.2022).

39. Fredrik NEIJ and Peter SUNDE KOLMISOPPI against Sweden // Decision of The European Court of Human Rights. – [URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-117513%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-117513%22%5D%7D) (дата обращения: 24.11.2022).

40. Ireland v. UK, app. № 5310/71 § 154. // [URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506). (дата обращения: 27.11.2022).

41. Report of the WTO Appellate Body 1994 «Japan - Taxes on Alcoholic Beverages». October 4, 1996. // [URL: http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtoab/japan-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtoab/japan-alcohol(ab).pdf) (дата обращения: 24.11.2022).

42. RTE (Magill) (Cases C-241, 242/91P) // European Court Reports. 1995. P. 1-743.

43. Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерного оружия и его применении // Официальный сайт Международного суда ООН. [URL: https://www.icj-cij.org/public/files/advisory-opinions/advisory-opinions-1996-ru.pdf](https://www.icj-cij.org/public/files/advisory-opinions/advisory-opinions-1996-ru.pdf) (дата обращения: 09.03.2022).

44. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 01.11.2016 «О применении ставок таможенных пошлин, предусмотренных для ввоза товаров в пределах установленного объема, при выпуске товаров, в отношении которых была подана предварительная таможенная декларация, осуществляемом после истечения срока действия лицензии на импорт товаров, ввозимых в пределах тарифных квот» // Официальный сайт Евразийского экономического союза [URL:http://www.eaeunion.org/](http://www.eaeunion.org/) (дата обращения: 30.11.2016).

45. Краткое резюме по спору по охране товарных знаков и географических указаний для сельскохозяйственной продукции и продуктов питания // Официальный сайт Всемирной торговой организации [URL:https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds290_e.htm](https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds290_e.htm) (дата обращения: 22.01.2023).

46. Постановление Суда ЕАЭС о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, Таможенного кодекса Таможенного союза и Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. [URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/](https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/) (дата обращения: 24.11.2022).

47. Решение ЕСПЧ от 05.02.2004 «По вопросу приема жалобы № 66801/01 «Ворсина Ирина Александровна и Вогралик Наталья Александровна против Российской Федерации». № 66801/01 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Case of J.A. Pye (oxford) LTD and J.A. Pye (Oxford) Land LTD v. The United Kingdom // Официальный сайт Европейского суда по правам человека.

[URL:https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-82172%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-82172%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

49. Case of Piřtorová v. The Czech Republic // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [URL:https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-67204%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-67204%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

50. Постановление ЕСПЧ от 23.07.1968 по делу «О некоторых аспектах законов об использовании языков в процессе обучения в Бельгии» (жалобы № 1474/62; 1677/62; 1691/62; 1769/63; 1994/63; 2126/64) § 10 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Смит Клайн и Френч Лабораториз Лтд против Нидерландов // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [URL:https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-738%22%5D%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-738%22%5D%7D) (дата обращения 02.12.2022).

52. Case of Delfi as v. Estonia [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-155105%22%5D%7D> (дата обращения 12.12.2022).

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» // «Российская газета». № 105. 18.05.2016.

Монографии, статьи, учебники, учебные пособия

54. Абдуллин А.И. Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2006. 64 с.

55. Абрамова А.И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 27-38.

56. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид.лит. 1982. Т.2. 360 с.
57. Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы // *Jus cogens*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. 1982. 406 с.
58. Алфеева Ю.В. Урегулирование международных экономических споров в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. 175 с.
59. Бирюков П.Н. Новые правила Евросоюза об авторском праве и смежных правах в цифровую эпоху // *Копирайт. Вестник Академии интеллектуальной собственности*. 2021. № 2. С. 88-98.
60. Блинец И.А. Конституционно-правовая и международно-правовая защита интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М. 1997. 148 с.
61. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / Пер. с фр. Н.Л. Тумановой; под ред. М.М. Богуславского. М.: Прогресс. 1977. 310 с.
62. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. М. : Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М. 2020. 176 с.
63. Васильева Т.А. «Суд ЕС и конституционные суды государств - членов европейского Союза в поисках конституционной идентичности» // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2019. Вып. 14. № 2. С. 32-58.
64. Власов Д.С. Правовая позиция Международного Суда ООН: понятие, природа и варианты проявления: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006. 222 с.

65. Воробьев Н.С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 137-146.

66. Воробьев Н.С. К вопросу о роли Суда Европейского союза при толковании договоров, связанных с защитой прав на интеллектуальную собственность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 114-149.

67. Воробьев Н.С. Право интеллектуальной собственности в сравнительном аспекте: к вопросу об уточнении понятия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 143-149.

68. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4. С. 6-32.

69. Глигич-Золотарева М.В., Оверчук М.В. Развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности в современных условиях // Федерализм. 2022. Т. 27. № 4. С. 168-185.

70. Глоница В.Н. Интеллектуальная собственность и основные права человека: какова роль ЕСПЧ на пути достижения баланса интересов? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека № 4 (2018): «Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека». М.: Развитие правовых систем, 2018. С. 294-314.

71. Голубев Н.Н. Международные третейские суды XIX века: очерки теории и практики. М.: Университетская типография. 1903. 312 с.

72. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исследовательский центр частного права. М.: Статут. 2005. 416 с.

73. Дьяченко Е.Б., Нешатаева Т.Н., Мысливский П.П. Евразийская интеграция: Роль Суда / Под. Ред. Нешатаевой Т.Н. М. Статут. 2015. 304 с.

74. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 76-95.

75. Еременко В.И. Единая система промышленных образцов Европейского союза // Изобретательство. 2013. № 12; 2014. № 1. С. 1-14.

76. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2021. 37 с.

77. Ибрагимова Ю.Э., Мехтиев М.Г. Эволютивное толкование норм, регулирующих международные финансовые механизмы в практике международных судебных органов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 127-133.

78. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): автореф. ... д-ра юрид. наук. М. 2018. 64 с.

79. Исполинов А.С., Кадышева О.В. Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С. 136-144.

80. Казаченок С.Ю. «Право интеллектуальной собственности объединенной Европы» // Legal Concept. 2015. № 3. С. 35-38.

81. Калинин И.В., Червонюк В.И. Пределы имплементации решений ЕСПЧ и феномен диффузии европейского (международного) права // Вестник экономической безопасности. 2017. №3. С. 26-33.

82. Камаровский Л.А. О международном суде. М.: Типография Т.Малинского. 1881. 542 с.

83. Кириенков П.О. Защита права собственности по европейскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2012. 187 с.

84. Ковлер А.И. Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 55.

85. Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3 (58). С. 92-100.

86. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др. / под общ. Ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : НОРМА : ИНФРА-М. 2022. 244 с.

87. Кривенкова М.В. Роль судебного прецедента в процессе развития права международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 33-36.

88. Курмангалиев Р.А. Проблемы разрешения споров Судом Евразийского экономического союза // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация. 2016. С. 152-154.

89. Кучин М.В. Эволюция международного судебного нормотворчества // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 28-44.

90. Ларина Т.Ю. Создание системы разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности как тенденция развития интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 6. С. 56-61.

91. Лелетина А.В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в рамках всемирной торговой организации и обязательства

Российской Федерации в связи с участием в Евразийском экономическом союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М. 2018. 30 с.

92. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 215-227;

93. Маковский Л.А. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут. 2010. 736 с.

94. Малыгина А.Н. Институт принудительного лицензирования в патентном праве РФ // «Журнал Суда по интеллектуальным правам». 2021. № 1 (31). С. 23-32

95. Маргашов В.В. Интеллектуальная собственность в гражданском законодательстве РФ: понятие и способы защиты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-3. С. 47-50.

96. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М.: Зерцало-М. 2014. С. 192.

97. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации: монография / М.Н. Марченко. М.: Проспект. 2009. 400 с.

98. Международное право. Мирное разрешение споров : учебное пособие для вузов / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. 3-е изд. испр. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2023. 221 с.

99. Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007. 25 с.

100. Минков А.М. Актуальные международно-правовые аспекты деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2000. 199 с.

101. Оппенгейм Л. Международное право: Пер. с англ. М.: Иностр. лит. 1984. Т. 1. 407 с.

102. Основы современного международного права: учебное пособие / Тункин Г.И. М.: [б.и.]. 1956. 48 с.

103. Остроухов Н.В., Ромашев Ю.С. О кодификации международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 3. С. 217-224.

104. Пешнин А.С. Постоянная палата третейского суда как средство мирного разрешения международных споров // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 298-305.

105. Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза : учеб. Пособие / К.В. Энтин. М.: Норма : ИНФРА-М. 2015. С. 217-218.

106. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл и Уорбик; [пер. с англ. Власихин В.А. и др.]. науч. изд. М.: Развитие правовых систем. 2016. 1432 с.

107. Практика Европейского Суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации : учебное пособие. Ч. 1. Европейская система защиты прав человека / Е.Е. Амплеева, В.В. Фирсов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. 80 с.

108. Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Международные договоры в сфере интеллектуальной собственности (актуальный обзор международных соглашений) : учебное пособие – сборник международных договоров. М.: Статут. 2017. С. 768 с.

109. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: научно-практическое пособие / С.А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа. 2020. 212 с.

110. Сарсембаев М.А. Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. №. 3 (57). С. 95-101.

111. Сесицкий Е.П. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 11. С. 49-55.

112. Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 111-118.

113. Сидоренко А.И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100-115.

114. Сильченко И.О. Исполнение решений Европейского Суда // Вестник Омского университета. Серия «Право». №3 (40). 2014. С. 163-166.

115. Смбалян А.С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации : монография / А.С. Смбалян. М. : ИНФРА-М. 2018. 448 с.

116. Смирнов А.П. Соотношение понятий «Охрана прав» и «Защита прав» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123-125.

117. Соболева А. Судьи Европейского суда по правам человека как «мужи-диалектики»: риторический контекст и платоновская теория именования // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 34-46.

118. Стоякин Г.Н. Понятие «защита гражданских прав» // Проблемы гражданско-правовой ответственности защиты гражданских прав. Свердловск. 1973. С. 30-35.

119. Сюняева М.Д. Анализ решений и консультативных заключений Международного Суда ООН в контексте вопроса о формировании норм международного обычного права // Вестник РУДН. 2012. № 1. С.217-225.

120. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М.: Гос.изд-во юрид.лит-ры. 1962. 575 с.

121. Толочко О.Н. Международное экономическое право и его место в системе правового регулирования международных экономических отношений // Московский журнал международного права. 2013. №1 (89). – С. 73-91.

122. Толстова А.Е. Защита права собственности в европейском суде по правам человека // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 146-150.

123. Толстых В.Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2018. № 3 (27). С. 66-76.

124. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Междунар. отношения. 1970. 511 с.

125. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3. С. 164-182.

126. Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейского сообщества / Д.С. Тихоновецкий // Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 209.

127. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.

128. Шинкарецкая Г.Г. Международное публичное и всемирное частное право в международных судах // Международное право и торговая организация. 2019. №. 4. С. 78-88.

129. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук: Самара. 1997. 228 с.

130. Шулятьев И.А. Понятие и значение целей в праве Евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2015. № 88. С. 26-28.

131. Шумилов В.М. Международное экономическое право. Книга I. М.: ДеКА. 2002. С. 42.

132. Энгстрем И. Прямое действие права Европейского союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 88-103.

133. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.

Издания на иностранных языках

134. Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 1079-1126.

135. Beck G. Judicial Activism in the Court of Justice of the EU // University of Queensland Law Journal. Vol. 36. 2019. No. 2. P. 333-353.

136. Bhala R. The Myth About Stare Decisis and International Trade Law (Part One of a Trilogy) // American University International Law Review. Vol. 14. 1999. No. 4. P. 845-956.

137. Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author // Stanford Technology Law Review. 2012. Vol. 5. P. 1-28.

138. Chua A. The Precedential Effect of WTO Panel and Appellate Body Reports // Leiden Yearbook of International Law. Vol. 11. 1998. No. 1. P. 45-61.

139. Cottier T. The legal nature of intellectual property rights in public international law // Kritika: Essays on Intellectual Property / ed. by H. Ullrich, P. Drahos, G. Ghidini., 2021. 224 p.

140. Denicola R.C. Ex Machina: Copyright Protection for Computer Generated Works // Rutgers University Law Review. 2016. Vol. 69. P. 251-287;

141. Drexl J. Constitutional Protection of Authors» Moral Rights in the European Union – Between Privacy, Property and the Regulation of the Economy, in: K.S. Ziegler (ed.), Human Rights and Private Law: Privacy as Autonomy (Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2007). P. 159-176.

142. Friedmann D. The uniqueness of the trade mark: a critical analysis of the specificity and territoriality principles // European Intellectual Property Review. 2016. № 38 (11). P. 678-679.

143. Geiger C. «Constitutionalizing» Intellectual Property Law? The Influence of Fundamental Rights on Intellectual Property in the European Union // IIC - International Review of Intellectual Property and Competition Law 37(4). 2006. P. 268-269.

144. Geiger C., Izyumenko E. Intellectual Property before the European Court of Human Rights // Center for International Intellectual Property Studies Research Paper. № 2018-01. 79 p.

145. Ginsburg T., McAdams R.H. Adjudicating in Anarchy: An Expressive Theory of International dispute Resolution // William and Mary Law Review, 2004. Vol. 45. № 4. P. 1229–1339.

146. Grosse R.K Intellectual Property and International Law: A Research Framework // Oxford University Press. 2016. P. 15-33.

147. Lauterpacht H. «Restrictive Interpretation and the Principle of Effectiveness in the Interpretation of Treaties» (1949) British Yearbook of International Law 26. P. 48-85.

148. Lauterpacht H. The Development of International Law by the International Court. Cambridge: Grotius Publications, 1982. 430 p.

149. Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // 21 European Journal of International Law. 2010. P. 509-541;

150. Morris P.S. From territorial to universal - the extraterritoriality of trademark law and the privatizing of international law // Cardozo arts & entertainment law journal. -New York, 2019. Vol. 37, Issue 1. P. 34-85.

151. Neill P. The European Court of Justice: a case study in judicial activism // European Policy Forum, 1995. 54 p.

152. Saha C.N. Bhattacharya S. Intellectual property rights: An overview and implications in pharmaceutical industry. J Adv Pharm Technol Res. 2011. № 2(2). P. 88-93.

153. Singh D. R. Law relating to intellectual property: a complete comprehensive material on intellectual property covering acts, rules, conventions,

treaties, agreements, digest of cases and much more. – Universal Law Publishing Company, 2008. 3493 p.

154. Stark B. When globalization hits home: international family law comes of age // Vanderbilt journal of transnational law. Nashville, 2006. Vol. 39: 1551. 1593 p.

Интернет-ресурсы

155. Беларусь так и не выплатила компенсацию за изъятые в 2014 г. телевизоры. – Издание «Новый Калининград». 15.11.2019 // URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/23585101-ktpb-belorussiya-tak-i-ne-vyplatilakompensatsiyu-za-izyatye-v-2014-godu-televizory.html> (дата обращения: 20.12.2022).

156. Доклад 2017 г. о положении в области интеллектуальной собственности в мире - «Нематериальный капитал в серьезных цепочках создания собственности» // URL: <https://tind.wipo.int/record/36315> (дата обращения: 25.02.2023).

157. Как работает сеть IPChain // Официальный сайт IPChain // URL:<https://ipchain.ru/how-ipchain-works> (дата обращения: 08.02.2023)